

ТИМИР ФЁДОРОВ

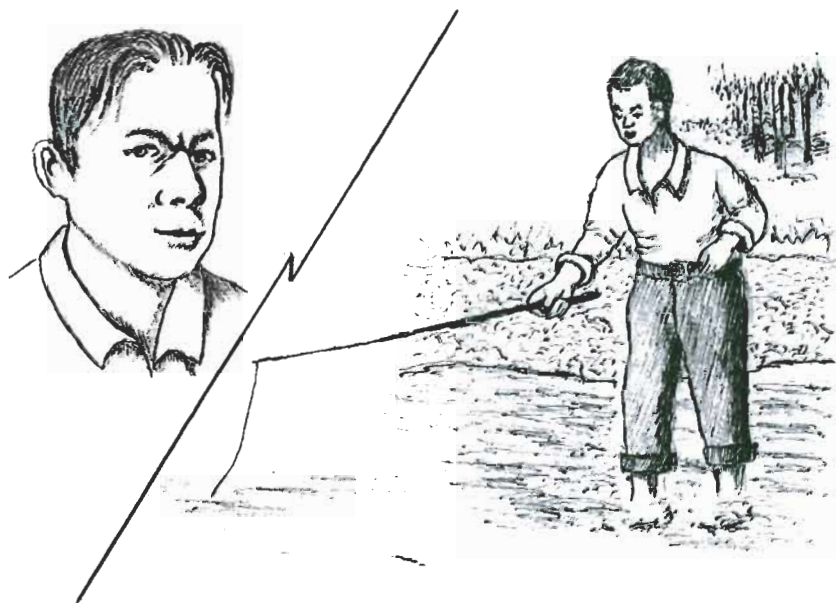

**СТРАННАЯ РЫБАЛКА
НА ИРТЫШЕ**

ТИМИР ФЁДОРОВ

СТРАННАЯ РЫБАЛКА НА ИРТЫШЕ

ПОВЕСТЬ

ОТ АВТОРА

Повесть является продолжением, в некотором роде, романа «Ольжерасское начало», так как повествует о судьбах двух основных героев. Это не повлияет на понимание коллизий повести, для тех, кто не читал роман.

Когда написание подходило к концу, решил, как любой литератор, приступить к сокращению мест, не влияющих на изложение сути повести. По ходу чтения добавил одно слово, уточнил мысль, сделал пояснение и остановился. Где же сокращения? И сообразил, что годы, описываемые в повести, так насыщены событиями: экономическими, политическими и международными, что в то время о них говорили везде. Рассуждали соседи, друзья, сослуживцы, пассажиры, солдаты и отдыхающие. Это события 1955 – 1957 года прошлого века.

Осознав, что события 60-летней давности это уже настоящая история, желание сокращать пропало. Просто выношу всё на суд читателя.

ОТ РЕДАКТОРА ВРЕМЯ НАДЕЖД И ГОРИЗОНТОВ

Автор повести «Странная рыбалка на реке Иртыш» воспроизводит обстановку 50-х годов, когда люди перешли к мирной жизни, впитывая ее всеми клетками организма, всей душой, радуясь светлому небу, чистым водам будничным картинам городской и сельской жизни. Теперь на слуху у всех иные общественные заботы, явления, начинания: подъём целинных земель, разоблачение культа личности Сталина, венгерские контрреволюционные события, отношение людей к антипартийной группе в ЦК партии, назначение маршала Жукова министром обороны, Международный молодёжный фестиваль в Москве.

Герои повести погружены в обычные обстоятельства, нет в ней захватывающих коллизий, нет увлекательных сюжетных линий. Но трепетное восприятие персонажами мирной, неспешной жизни оставляет приятное впечатление. Полноводная река, белоствольные рощи, расцветающие города – в повести много пейзажей. Они описаны с любовью, многоцветно, радостно, как изобразил бы талантливый художник. Неспешность, описательность из слабой стороны произведения становится прелестной его особенностью. Повесть дышит простором, устремлённостью к новым горизонтам, как сама послевоенная Россия.

Юрий Михайлов,
член Союза писателей России

Когда Рева вышел из довольно тёмного вестибюля на крыльцо, его ослепило яркое августовское солнце. Опустил взор на ступени и стал спускаться. Через несколько шагов оглянулся, окинув взглядом белое здание института, с большими окнами, чёрной блестящей вывеской, массивными дубовыми дверями, и, продолжил спускаться. На поднимающихся навстречу двух парней и девушку не обратил никакого внимания, испытывая смешанное чувство. Иллюзии не строил, что без подготовки можно поступит в институт. Просто решил проверить свои способности в рисовании и подал заявление на архитектурный факультет. Зная, что на нём всегда первый экзамен по рисованию. Правда, где-то в глубине маячила мысль, что если рисунок оценят хорошо, можно основательно заняться повторением математики и физики и попытаться поступить сюда на следующий год. А сейчас, для некоторого успокоения, винил себя, что не пришёл в рисовальный класс раньше, и большинство мест было занято. Ему предложили сесть на свободный стул перед одной из гипсовых скульптур. Осмотрев все выставленные гипсовые головы, он узнал знакомые по книгам лица Аполлона, Венеры Милосской, Геракла. А перед ним была голова какого-то греческого философа. На рисование отводилось три часа. Рева старался, впервые рисуя гипсовую скульптуру, но боялся, что может

увлечься вырисовыванием морщин, и получится мазня. Поглядывая на рисунки других, чувствовал зависть. Закончил одним из последних. Философ получился, но по сравнению с другими изящными гипсовыми лицами, выглядел мрачновато.

Объявили, что результаты будут сообщены в два часа. До этого успел съездить на главную площадь, что перед оперным театром, в котором побывал ещё школьником, вместе с матерью, на опере «Демон». Вспомнить её содержание не смог, но декорации припоминались: с бегущими тучами, среди которых виделся демон с распущенными волосами и голым торсом.

Театр восхищал своими размерами. Ряд высоких колонн с широким карнизом над входом, голубоватый купол наверху здания и огромная, высокая белая стена за ним. Тогда возникла мысль: «А что за ней?» Вспомнив это, он сейчас подумал о том, что где-то рядом находится художественный музей и, расспросив прохожих, побывал в нём. Больше всего запомнились несколько картин Рериха, очень ярких, где краски почти не смешивались и два пейзажа алтайского художника.

Затем, перекусив в уютном кафе, вернулся в институт. Оценки объявлял как раз тот преподаватель, который усадил его перед философом. Сначала объявляли работы отличников, которые, получили пятёрки (одна девушка взвизгнула от радости), всего их было четверо, потом шли четвёрошники. Их оказалось человек семь – восемь. Среди них его фамилия не прозвучала. Остальным, кто получил тройки, преподаватель пояснял, в чем недостатки в рисунке. Ему он сказал: - Слабо владеете штриховкой. В конце добавил: - Кто получил тройку, на архитектурный факультет, не примут. Подайте документы на какой-нибудь другой. Реву огорчила тройка, и тут же ясное убеждение, что никаких попыток больше не будет. Он забрал документы.

Выйдя на улицу в поток пешеходов, видя мелькание проезжающих автомобилей, успокоил себя тем, что гипсовую фигуру он рисовал впервые.

Улица, освещённая солнцем с яркими пятнами светлых домов, глубокими синими тенями, с листвой деревьев от светло зелёных до глубоких тёмных тонов и разноцветных вывесок, подняла настроение. Неудача потеряла значение, а всколыхнула радость полной свободы. Он подумал: «Надо же! Ещё семь дней назад я был в своей танковой части, в знаменитых «Гроховецких лагерях», а сегодня я здесь и могу идти или ехать куда захочу! Так неожиданно всё повернулось».

Вспомнил, как в конце июня прочитали в «Красной звезде» о приказе министра обороны, что солдатам срочникам третьего года службы можно подавать документы в институты для поступления и, если придёт вызов, отпускать их из армии досрочно. Кто имел среднее образование, все дружно написали домой, чтобы выслали аттестаты. Он тоже написал матери, и двадцатого июля пришло письмо с аттестатом. Тут же переправил его в Новосибирский строительный институт, самый ближний к своему городу. Стали ждать. В первых числах августа настроение упало: все знали, что экзамены начинаются с первого августа. Но, вдруг, пятого числа пришёл вызов института. Документы, в штабе полка, на демобилизацию и на билет, на проезд до Новосибирска, оформили за один день. Радость была невероятная. Даже при том, что если опоздал на поступление в институт, домой попадёт раньше общей демобилизации. Оказалось, что приём в институт проходит в несколько туров, и он попал в один из них.

После понятного огорчения, настроение поднялось настолько, что мысленно махнув на всё рукой, решил поехать к своему старшему другу Виктору Фомину, который в ответном письме сообщил, что из посёлка Ольжерас, где они начинали работать после окончания техникума, вернулся на родину в город Семипалатинск. Об этом

Рева, на всякий случай, предупредил мать, когда ехал забирать документы. Поехал налегке: без вещей. В кармане пиджака была складная зубная щётка и небольшой, на половину выжатый, тюбик зубной пасты.

Когда проходил мимо универсама, мелькнула мысль: «Надо купить какой-нибудь сувенир матери Виктора, как ни как дочь генерала Стесселя!» Рева знал лишь, что тот был участником войны с Японией. Он развернулся и пошёл к открытой двери магазина. В зале было почти прохладно. Покупателей было немного. Проходя вдоль прилавков, остановился возле бижутерии. Одна симпатичная, средних лет женщина, расплачивалась за купленные белые бусы. Рева, рассматривая витрину с разными брошами, бусами и прочими изделиями, сразу обратил внимание на овальный эмалевый медальон в золотистой оправе и с такой же тонкой цепочкой. На нём очень искусно была изображена «Незнакомка» Крамского. Он понимал, конечно, отделка и цепочка не золото, но вещь красивая и связанная с настоящим искусством.

Молодая, красивая, голубоглазая продавщица внимательно посмотрела на него. Он назвал «Незнакомку» и подал пять рублей. Получив, полтора рубля сдачи, завернутый медальон и улыбку продавщицы, поблагодарил её и, положив его во внутренний карман пиджака, вышел из магазина.

Он испытал радостное ощущение, что так быстро и удачно решилось с сувениром.

Ещё приехав в Новосибирск, поинтересовался на вокзале поездом, которым можно доехать до Семипалатинска. Поезд шёл до Алма-Аты и отправлялся в 20 часа 15 минут.

Теперь приехал сюда за полчаса до отправления поезда, купил билет в плацкартный вагон. Удивило, когда кассирша подала билет, где станция значилась как «Жана - Семей». Она пояснила, что так называется станция в Семипалатинске.

До отъезда, чтобы «убить» время поехал на площадь Ленина, перед оперным театром, там, на глаза попала реклама кинотеатра «Победа», нашёл его через полтора квартала. Огромное здание, с порталом в восемь больших колонн. В нём оказалось несколько залов. Купил билет в зал, где показывали фильм «Дело было в Пенькове». Фильм понравился: артисты симпатичные и, хорошая песня о деревне.

Так как дальнейшие действия были определены, он спокойно пообедал в кафе и поехал на вокзал.

В зале ожидания свободных мест было много. Он сел так, чтобы видеть большие настенные часы и тут же поймал себя на мысли, что сел по армейской привычке, когда не было ручных часов. И невольно взглянул на ручные часы, купленные до армии, но оставленные дома. Они были известной марки «Слава». Сверил с настенными – шли точно.

Диктор жёстким голосом объявляла о прибывающих и отправляющихся поездах. Люди, подчиняясь этому голосу, вставали и уходили, а вскоре появлялись другие, крутя головами, ища, что им нужно. Тут с этими радио объявлениями, Рева вдруг вспомнил, как в фильме был показан радиокорреспондент, который попросил тракториста, постучать ключами, как будто он занимается ремонтом. Сразу вспомнилась и армейская прибаутка о «втирании очков», как красят зелёной краской траву перед штабом, перед приездом важного генерала.

Объявили посадку и на его поезд. Нужный вагон оказался рядом с выходом на площадку перрона. Показал билет пожилой проводнице, та просто кивнула головой и он поднялся в вагон.

Место – 21 было в шестом купе на нижней полке. На противоположной уже сидел пожилой мужчина и протирал очки носовым платком. На столике лежала не развёрнутая газета «Правда». Рева поздоровался, сосед учтиво кивнул головой. Сев, напротив у окна за столиком, он подумал, что

напрасно не купил, что-нибудь почитать. В вагоне слышались разговоры, мимо проходили новые пассажиры, а в их купе никто не появлялся. В репродукторе, на посадочной площадке, раздался тот же резкий голос, что поезд на Алма-Ату отравляется с третьего пути. И в это момент у купе остановилась средних лет женщина с билетом в руке и небольшим чемоданом. Она подняла взгляд, на её лице отразилась досада и она произнесла:

– Я ж просила - нижнюю.

Мужчина посмотрел на неё поверх очков и сказал:

– Вы располагайтесь. Сейчас будет проходить проводница, может, найдёт вам свободное нижнее место. Она поздоровалась, поставила чемодан на пол и села на полку к мужчине. Её полноватое лицо чуть покраснелось. Женщина свободной рукой стала заправлять спускающуюся прядь волос, под берет. Рева, проявив сочувствие, спросил, обращаясь к ней: - Вы, куда едете?

– До Алма – Аты, - с какой-то отрешённостью, ответила она. Рева встал, приподнял свою полку, поставил туда её чемодан и сказал:

– Занимайте моё место. Мне ближе ехать, и спать мне всё равно где.

Её серые глаза раскрылись, а на лице появилась виноватая улыбка:

– Спасибо, молодой человек, а то я боюсь ездить наверху, и она пересела на его полку.

– Проводницу предупредим, чтобы не будила вас перед Семипалатинском, куда я еду, - сказал Рева, но вспомнив, добавил, - хотя, там уже будет утро.

Сосед читал газету, развернув её к окну.

Некоторое время ехали молча. Прошла проводница, собирая билеты. Женщина сказала об обмене местами.

– Хорошо, - согласилась проводница и поинтересовалась, кто будет брать постели. Все подтвердили, что будут и она ушла.

Сосед ещё пошелестел газетой, продолжая читать, но потом сложил её и, снимая очки, произнёс:

– В Казахстане, на целине опять хороший урожай, но элеваторов не хватает, и закрытых токов нет, а если дожди? Никто ему не ответил, а он буркнул:

– Всегда в чём-то опаздываем. Он подпёр худощавое лицо рукой, облокотившись на столик, и стал смотреть в окно.

Рева спросил:

– Можно посмотреть газету?

Тот, не пошевелившись, ответил:

– Пожалуйста.

На первой странице действительно была статья об успехах целинников. Рева, уловив суть статьи из возмущения соседа, не стал её читать. А вот небольшую статью о закончившемся 11 числа молодёжном фестивале прочёл. Он был объявлен под лозунгом: «За мир и дружбу!» Тут сообщалось, что мероприятия проходили на двухстах площадках, в фестивале участвовало 131 страна. Для его обслуживания было выделено 600 автобусов. Большинство из них новые венгерские «Икарусы», а также рижские «Рафики» - РАФ-10, таксопарки получили новые «Волги» - ГАЗ-М-21, с оленем на капоте. К фестивалю была сдана большая гостиница - «Украина». Прошло более 800 мероприятий. Здесь упоминалось, а он уже слышал по радио, марш демократической молодёжи: «Мы за мир, за дружбу» и песню «Подмосковные вечера».

Небольшая заметка о том, что 3 августа была запущена первая советская межконтинентальная ракета Р-7. В обозрении по международным делам сообщалось, что западные страны, во главе с США, опубликовали декларацию о принципах объединения Германии. Здесь же говорилось о том, что в сирийской армии объявлена чистка, и назначаются генералы симпатизирующие коммунистам. Турция опасается, что СССР усилит своё влияние в Сирии...

В это время пришла проводница с комплектами постелей и сказала:

– Стоимость - десять рублей. Я думаю, молодой человек снимет матрасы с багажных полок, а я приду, помогу постелить. Оплатив услугу, все устроились без её помощи.

Рева постоял в коридоре у окна, ожидая, пока очередь желающих умыться исчезнет, совершил туалет и забрался на своё 22 место. Пиджак положил рядом с собой у подушки, полуботинки поставил на верхнюю полку над собой и расслабился. Его вновь охватило чувство полной свободы. Заложив руки за голову, подумал о друге, к которому ехал. Ещё раньше, во время учёбы, в общежитии, появились взаимные симпатии, не смотря на то, что разница в возрасте была шесть лет. Он участник войны с конца сорок третьего года, а демобилизовали его только в пятидесятом. Сейчас Рева осознал, что ему нравилось, как Виктор рассказывал о военных буднях, без особого пафоса, а иногда с юмором. Тут он поймал себя на мысли, что до сих пор не знает, какие у него награды. Договорились, после окончания учёбы, постараться попасть работать, на одну и ту же шахту. Это удалось и почти год, пока его не призвали в армию, жили вдвоём, в общежитской комнате. Мелькнула мысль: «Интересно женился он или нет? Ведь ему уже за тридцать». Раньше он отшучивался: «Дворяне женились в сорок лет».

Рева повернулся, посмотрел в окно на заходящее солнце в голубой дымке, посмотрел на мужчину - тот лежал накрытый одеялом, лицом к стене. Газета лежала на столе. Вспомнив статью о «Молодёжном фестивале», которая напомнила случай почти трёхгодовой давности: в роту пришёл сержант, которому поручили распространять лотерейные билеты об этом фестивале. Стоил билет три рубля. Без энтузиазма, все брали по одному билету. Вдруг Уткин, солдат, которому отец частенько присылал денежные переводы, подаёт тридцать рублей и говорит: «На все!» Сержант отсчитывает ему билеты, а в этот момент ему суёт три рубля солдат из соседней роты: «А мне один». Сержант берёт трёшник и, дав ему билет, продолжает отсчитывать дальше. В конце года, в ноябре, кто-то приносит таблицу

розыгрыша и все начинают проверять номера своих билетов. Серия совпадает с нашими билетами: у кого дальше у кого ближе, а выигрыш – мотоцикл с коляской. Все решили, что выиграл Уткин. Зовут его, он достаёт билеты, проверяет, а номера перескакивают через выигрыш. Оказалось, выиграл билет, который купил тот солдат из другой роты. Как потом узнали, хвастался: «А мне дядька - полковник, перед армией такой же подарил».

Потом мысли вернулись к сегодняшнему дню. Опять скребнула досада, что с рисованием получилось неудачно. А он надеялся... В первый год службы, в офицерском магазине военного городка купил папку и небольшую стопку бумаги, чтобы в свободное время (с 8 до 10 вечера) можно было иногда заниматься рисованием, ну и в входные дни, если не в наряде. И за тот год удалось нарисовать семь портретов сослуживцев своего взвода. Все говорили, что они похожи и сразу узнаваемы. Так что надежда была не на пустом месте. Но... как в армейской прибаутке: Солдат мечтает – старшина распределяет! Рева повернулся на правый бок - мысли покружились ещё об армейской службе, об институте, где кругом оказалось столько красивых девушек - и уснул.

Он просыпался два раза, когда громко заговорили, послышалось название города Барнаул, а полку напротив, занял молодой парень, и когда этот парень выходил и кто-то произнёс: - Станция Рубцовск.

Он ещё подремал, но в вагоне уже было светло. Взглянул на часы - было без двадцати восемь, значит, через час с небольшим, будет Семипалатинск. Повернулся на другой бок и увидел, что мужчина на газете раскладывает продукты, собираясь завтракать. Посмотрел в окно: вдаль уходила, освещённая солнцем равнина, с мелкими перелесками. Рядом мелькали телеграфные столбы, и бежала тёмная тень от поезда.

Рева решил пока не спускаться вниз: женщина тоже начала готовиться к завтраку. Ему казалось, что стоит спуститься, как кто -нибудь, из них, предложит перекусить,

а он этого стеснялся. Проводница разносила чай. Он отказался. Пролежав ещё с полчаса, спустился вниз, пожелал им, доброго утра, взял полотенце и пошёл умываться. Возвращаясь назад, увидел в окно у горизонта очертания города. Возле купе, подошла проводница и, уточнив куда он едет, вернула билет и попросила сдать постель. Он надел пиджак и, сложив постель, отнёс её. В это время поезд затормозил и остановился. За окном виднелись разнообразные дома. Рева решил выходить, но кто-то сказал: «Это правобережье». Поезд дёрнулся и двинулся дальше. Тут же загромыхал, проезжая по мосту через реку Иртыш. Пожелав попутчикам счастливого пути, Рева направился к тамбуру.

Вокзал оказался небольшим. Вход с козырьком делил здание на две части. По обе стороны от него по два больших окна, это была более высокая часть здания. К ней примыкали два крыла чуть пониже с небольшими окнами. Рева, вслед за несколькими пассажирами, вошёл в здание. Зал ожидания был обычным. Спросил у одной женщины, есть ли здесь городское справочное бюро? Она подняла брови и ответила:

– Вроде нет. А вам куда надо?

Услышав пояснение, сказала:

– Здесь рядом улица Либкнехта, а от неё идёт улица Тракторная, прямо в Затон до электростанции. А там спросите. Туда восьмой автобус ходит, остановка в начале улицы.

Получив такой исчерпывающий ответ, Рева поблагодарил женщину и вышел на улицу. Площадь была не очень большая. Вокруг стояло несколько старых двухэтажных домов и два одноэтажных. Около некоторых - высились тополя. Метров в двадцати от входа была круглая клумба с синими и сиреневыми цветами. Всё это освещало яркое утреннее солнце. Уходящая вдаль улица, оказалась Либкнехта, а первая в сторону была Тракторной. Ему повезло: едва он поравнялся с ней, как подошёл автобус.

Народа в нём было совсем мало. Купил за рубль билет у кондуктора и сел к окну. Наблюдая за мелькающими домами и палисадниками, подумал: «Прямо, как у нас в городе – дома деревянные, крыши, большей частью, шиферные, наличники и ставни крашенные, есть дома кирпичные. Кусты перед домами довольно высокие, непонятно какие, а деревья похоже – тополя. И столбы, как у нас: деревянные на бетонных приставках».

Несколько человек вышли на остановках и всего один зашёл. Когда кондукторша объявила: - «Электростанция!» Рева вышел. Автобус тронулся, и, повернув направо, скрылся в проулке. Улица продолжалась, спускаясь вниз. Он посмотрел на часы: было двадцать минут десятого. «Ещё рано, а солнце греет прилично», - подумал, слегка прищуривая глаза, так как оно светило прямо в лицо. Невдалеке, над крышами по другой стороне улицы, виделось белое здание, труба и металлические мачты.

«Значит, иду правильно. Виктор писал, что работает дежурным на электростанции» - вспомнил он, продолжая шагать, поглядывая на номера домов: 84, 86.

В письме адрес значился под номером 98. Продолжая идти, понял, что идёт в какой-то тупик. Впереди забор огорода. Подойдя к нему, увидел на одном из столбиков прибитый номер -98 и рядом калитка. Свободно открыл её и двинулся между грядками к низенькому крыльцу. В стороне от дома, чуть в глубине, стояла, обычная деревянная уборная, за ней высились деревья. А дальше другой дом. Ближе к крыльцу, выделялся большой квадрат высокой тёмной зелени, а когда подошёл, увидел, что это кусты помидоров, сплошь увешанные огромными красными плодами. Солнце светило прямо в лицо и не очень высокий дом с шиферной крышей отбрасывал тень, накрывая всё широкое крыльцо.

Взглянув на дверь, выкрашенную в коричневый цвет, подумал: «Сейчас встречу с матерью Виктора, скорее всего он на работе – сегодня пятница. Какая она - дочь

генерала? Как оказалась здесь? Сейчас окраина, а было вообще захолустье. А, может, жива, потому что здесь». Когда до крыльца оставалось метра три, дверь отворилась и на крыльцо вышла пожилая, полноватая женщина в цветном платье, в длинном фартуке тоже в мелкие цветочки, босиком. Круглое с чуть выступающими скулами лицо, с розоватым носом и серыми глазами, которые выразили некоторое удивление. Рева поздоровался и спросил:

– Здесь проживают Фомины? Она ответила на приветствие и подтвердила:

– Да.

– Виктор Иванович дома?

– Нет. Он пошёл на работу, но должен быстро вернуться.

– Я обещал к нему приехать, мы с ним вместе работали на шахте, в Ольжерасе. Моя фамилия Федотов, Рева.

На её лице появилась лёгкая улыбка или так ему показалось, но закивав головой, произнесла:

– Витя про вас рассказывал. Проходите в дом.

Она развернулась, распахнула дверь и вошла в сени. Рева поднялся на крыльцо и пошёл за ней. У него мелькнула сомнительная мысль: «Неужели генеральская дочь?»

Миновав сени, он вошёл к небольшой коридорчик. В одну сторону была дверь в небольшую комнатку, где стояла заправленная кровать, маленький столик у окна и один стул, в другую - была кухня. Впереди был дверной проём, над которым висел резной карниз с двумя тёмными шторами, в ярких жёлтых узорах, привязанных внизу ленточками к косякам. Послышался голос хозяйки:

– Там, у дверей лежит тряпка, протрите ноги и проходите в комнату.

Он протёр подошвы и прошёл.

– Присаживайтесь, - сказала она и вышла в соседнюю комнату. В этой было два окна обычной величины с тюлевыми шторами, чуть прикрывающими верх стёкол. У стены напротив окон стоял диван, на который он сел. Рядом, в сторону от него - круглый стол с задвинутыми под него

стульями. В одном углу от окон стоял большой цветок, в другом - этажерка с книгами, а на примыкающей стене - большие часы. В простенке между окнами висел двойной портрет за стеклом в тёмной раме. Женщина с кружевным воротником, мужчина в рубашке со стоячим воротом с бабочкой и лихо закрученными усами. Было понятно, что это фотопортрет родителей Виктора. Вскоре она, вышла в красивом, шёлковом халате, в белых туфлях с узорчатыми дырками, на низком каблуке. Рева встал и спросил:

– Извините, как ваше имя, отчество?

– Мария Александровна, - представилась она и напомнила, – Витя сказал, быстро придёт. А вы снимите пиджак, повесьте его на спинку стула.

Рева с удовольствием выполнил это пожелание и тут же спросил:

– Можно книжки посмотреть?

– Да, пожалуйста, - и добавила, - вы же с поезда, не завтракали. Пойду, поставлю чайник на электроплитку, - и вышла из комнаты.

У Ревы мелькнула мысль: «Виктор похож на мать: глаза, лоб чуть выступающие скулы, да и нос тоже её».

Этажерка была покрыта тёмным лаком. Внизу была тумбочка, стойки точёные. На двух полках, чуть под наклоном, стояли книги. На верхней, кроме книг, стоял радиоприёмник «Искра» со шкалой настройки с двумя ручками. Рева наклонил голову, читая названия на корешках книг. Сразу обратил внимание на два толстых тома. Один – «12 стульев и золотой телёнок», второй - «Цусима». Он не сомневался, что увидит тут и эту книгу. Виктор рассказывал, что отец был в том походе кораблей царского флота и участвовал в жестоком сражении, и даже несколько лет был в японском плену.

Он достал книгу, раскрыл, прочёл: «Новиков-Прибой», «Цусима». Перелистнул и прочёл: «Книга первая, Поход, Часть первая. Под Андреевским флагом». Ниже шёл текст в виде стиха:

«...Погибель верна впереди
И тот, кто послал нас на подвиг ужасный –
Без сердца в железной груди.
Мы - жертвы!..

Хлопнула входная дверь, и послышался голос:

– У тебя гость!

Рева поставил книгу на место, и в это время в комнату вошёл Виктор. Увидев его улыбнулся:

– Ну, ты молодец! Они обнялись.

– Сядем, - он сделал жест, в сторону дивана.

– Как тебе удалось раньше вырваться? Я следил в печати, да и по радио о демобилизации ещё не объявляли.

Рева начал рассказывать о своей удаче... Но в комнату заглянула мать:

– Потом разговоры. Ему надо позавтракать.

Пока мыли руки в кухне под кухонным краном, мать с чем-то пошла в комнату. Вернувшись, сказала:

– Витя, унеси сковороду с подставкой. Виктор мотнул ему головой, предлагая идти в комнату, а сам взялся за деревянную ручку сковороды.

Там два стула были выдвинуты, а на столе стояла тарелка с нарезанными ломтями хлеба, солонка, две вилки и, что Реву поразило, плетёная тарелка с четырьмя огромными, с его кулак, красными налитыми помидорами. Виктор поставил сковороду с яичницей, а сзади послышался вопрос матери:

– Витя, может вам тарелочки поставить?

– Не надо, мы так, - ответил он, обернувшись, крикнул:

– Мам! Она тут же появилась, неся небольшой графин с бордовой жидкостью и две стопки. Поставила графин на стол, Виктор забрал у неё стопки, а она сказала:

– Вишнёвая – настоечка, сама делала.

Виктор наполнил стопки:

– Ну, давай за встречу!

Выпили. Настойка Реве понравилась, была тягучей и очень сладкой. Он начал есть с помидоров. Кусая опасался,

что побежит сок, но нет. Помидор был мясистый с каким-то особым вкусом, который Рева никогда не испытывал. Он сразу признался в этом Виктору.

– Что-что, а край наш точно помидорный. Даже южнее, помидоры хуже наших, - похвалился тот. Рева взял ещё один, Виктор второй не стал брать, а наполнил стопки. Выпили за здоровье всех близких и за своё, и принялись за яичницу с колбасой. Когда кончили - есть, Виктор встал и сказал:

– Сейчас, чай гонять будем.

Он унёс сковороду и всё остальное. Вернулся с двумя бокалами и чайником, а за ним мать с заварным чайником и вазочкой с варением. Виктор предложил:

– Мам, попей с нами чаёк.

– Нет, я ж недавно пила. Пейте.

С чаем расправились быстро. Чтобы был не такой горячий, положили в него варение и выпили. Виктор заставил его сесть на диван, сам всё унёс на кухню и, садясь рядом, сказал:

– Излагай, как армия раздобрилась, стала раньше отпускать.

Рева рассказывал подробно, потому что ему самому было приятно всё это вспоминать. И только когда затронул тему своей неудачи в рисовании, Виктор почувствовал его досаду и утешил:

– Не расстраивайся, какие твои годы. Набьёшь руку на этом деле и поступишь.

– Да, я ж не об этом жалею. Математику я б так и так завалил. Не пойду я больше в архитекторы. Ладно, скажи, как ты здесь устроился?

Виктор откинулся на спинку дивана и, повернув голову, ответил:

– Нормально. Работаю дежурным на щите распределения. Раньше было: сутки дежуришь – двое дома. Вроде хорошо, но к концу смены трудно. Теперь по восемь часов. До работы два шага.

Рева смотрел на друга, и ему казалось, что тот почти не изменился. Даже загара особого нет, а волосы по-прежнему топорщатся и не поредели.

– А как платят?

– Тысяча сто пятьдесят. Иногда премии. Нормально, тем более дома.

Рева вспомнил:

– У меня на шахте, когда мастером был на комплексе, оклад был тысяча сто сорок. А у тебя механика подземного участка, по-моему, до трёх тысяч доходило?

– Бывало, но не часто. Здесь же все овощи дешёвые, так что хватает, за глаза!

– Сужу по обстановке, ты так и не женился? Попытки были?

– Были. Год назад всё шло к этому, но получился какой-то разлад. Началось с мелочи, сказала, что я как-то особенно смотрю на одну из знакомых. И понеслось - разбежались.

Чтобы сменить тему, Рева, кивнув в сторону портрета, спросил:

– Это отец, такой brave мужина?

– Отец. Снимок их после свадьбы, в шестнадцатом году.

Первый раз его отец поженит, когда ему было девятнадцать лет. Вскоре его забрали в армию. Война с японцами, плен, я тебе рассказывал. Пока был в плену, жена умерла. Долго не женился, семья была большая, а его отец уже не дюжил. Ну, когда братья сёстры все подвыросли, он устроился в речной флот на Волге. Сначала матросом был потом помощником механика.

– А в первой мировой он участвовал?

– Нет. Ему в Цусимском сражении три пальца на левой руке оторвало, так, что он больше ни в одной войне не участвовал. Имел Георгиевский крест, за Цусиму.

– А братья, сестры у тебя были?

– Были. И брат и сестра. В гражданскую войну от тифа умерли.

Трагедия для них видать сильная была. Потому наверно я в двадцать пятом году родился, когда отцу было сорок два года.

— Ты писал мне в марте, что отец умер, а сколько ему было?

— В прошлом году ему семьдесят три года исполнилось. Особенно на здоровье не жаловался и, вдруг, в конце декабря, заболел воспалением лёгких и всё...

Помолчали. Потом он, как-то встрепенулся и, не спрашивая и не предлагая, сказал:

— Мы тут с парнями решили на рыбалку съездить. У нас на электростанции катер есть, я сегодня ходил договариваться, на счёт его — разрешили. Поедешь с нами — увидишь, что такое рыбалка на Иртыше!

Рева понял, друг не сомневался в том, что это его обрадует. И на самом деле, такой неожиданный поворот ему понравился. Ведь он предполагал и опасался, что в какой-то день, останется один, если Виктор уйдёт на работу и ему придётся куковать одному. А тут такое.

— Представляешь, — на лице Виктора было выражение радости, он говорил, улыбаясь, серые глаза поблёскивали, — уедем километров на пятьдесят — красотища! Рыбы — навалом! Тройной ухи наварим — век помнить будешь!

— Всё ничего, только как быть, я же в чем есть, приехал.

— Ерунда — экипируем, — сказал он, продолжая улыбаться.

— Я тут до тебя в окно взглянул, и прямо перед вашим домом река. Пойдём, покажи свой Иртыш.

— С удовольствием. «Лёд тронулся, господа присяжные!» — он вспомнил любимое выражение из «Золотого телёнка».

Спустившись с крыльца, вышли через калитку возле дома. Прямо от него широкая поляна косогором спускалась к реке. У воды, уткнувшись в берег, грелись на солнце три лодки, привязанные к металлическим столбикам. Чуть в стороне высилась большая берёза. Прошли ближе к реке. Реву поразил увиденный простор: тёмно-голубая гладь реки поблёскивала на солнце и была довольно широкой.

Противоположный берег, начинался невысоким обрывом и уходил широким полем вдаль, где в туманной голубизне, виднелся лес. Река текла справа – налево, он понял это по плывущей ветке. Вниз по течению виднелась правобережная часть города. С другой стороны подступали высокие деревья. На этом берегу стоял длинный ряд соседских домов. Но по левую руку было всего две усадьбы, а дальше высокий бетонный забор электростанции. Виктор указал на неё рукой:

– Семь минут ходьбы из дома. Потом указал на небольшой мыс берега и добавил:

– Здесь причал нашего катера, вечером поставят на место.

– А как получилось, что ваш дом оказался в тупике улицы? – спросил Рева.

– Понимаешь, когда родители купили на этом месте - домишко, была улица вдоль реки, а потом построили электростанцию, она её перегородила. Ну, а город разрастался, и оттуда улицы упёрлись в наши дома.

По реке пронёсся небольшой катер, оставляя за собой белый бурун. А вскоре на берег накатились небольшие волны, повторяясь одна за другой.

Слушая его пояснения, Рева всё воспринимал, но какое-то особое душевное удовольствие порождало параллельные мысли, что он здесь, что Виктор такой же доброжелательный, всегда с чувством юмора и, даже то, что благодаря ему он видит эту красоту, а завтра он окунётся в особую, ещё не знакомую жизнь у большой реки. Хоть и на короткий момент, уточнил себе и с сожалением, сказал:

– Знаешь, Виктор, я ведь никогда не жил у большой реки. Если не считать Ольжерасс, но там мы жили не у реки, а у шахты.

– Это точно – у шахты, я там ни разу не искупался, - согласился Виктор, и добавил, - у реки жизнь особая. Река и кормит, и поит людей и как путь для передвижения.

Постояв ещё немного, пошли к дому. На подходе, Виктор, вдруг остановился:

- Подожди! – крикнул, - Илья! – и поднял руку.

Рева увидел, что он обращается к соседу, который, что-то делает у своей калитки. Виктор пошёл к нему. Поздоровались за руку, сосед развернулся, поднялся на крыльцо и вошёл в дом. Виктор поднял руку и помахал Реве.

Сосед быстро вернулся, неся что-то в руках. Когда передавал, Рева понял, что это одежда. Виктор вернулся, улыбаясь:

- Вот твоя экипировка! У него брат – твоего роста, он сейчас в отъезде. Это была хэбэшные – куртка и штаны.

Войдя в комнату, Виктор включил приёмник, и полилась тихая спокойная музыка. Сели на диван, Виктор спросил:

- Кто-нибудь, из наших ребят, попал в армию, вместе с тобой?

- Нет. В Сталинске, на комиссии меня забраковали из-за той ангины и велели приехать к 31 октября. Я, конечно, поехал домой. Пробыл я там двенадцать дней. Помог матери с бабушкой: завёз уголь на зиму, наколол дров целую поленницу и так далее. Когда поехал назад на комиссию, сваял дурака - не взял с собой денег. Прошлый раз сказали: в Кемерово вас поставят на довольствие. До Кемерово везли почти сутки. Поместили в клуб ГРЭС, уже не работающее, приземистое деревянное здание – под половицами вода хлюпала. Проспали там ночь на полу. Составили команду оборудовать товарные вагоны: ставить печки, загружать дрова или уголь и прочее. В дороге до Кемерово познакомился с парнем - Володей, время было и он говорит: «Тётка у меня здесь живёт. Пойдём со мной, может, покормит». Жила в центре, недалеко. Пришли, всё как обычно. Он ей: «Тётя Валерия, едем в армию, да пока на довольствие не поставили». Пригласила нас на кухню, усадила за стол. Ставит перед нами два стакана в красивых подстаканниках с чайными ложечками, наливает в них чай, бросает в них по три кусочка сахара, ставит два блюда и

кладёт на них по три печения. Говорит «пейте» и уходит. Выпили, встали - и к дверям. Она появляется, мы благодарим, отвечает «на здоровье» и говорит: «Хорошо Володя, что зашёл, будешь маме писать, передавай привет». Вышли, он крутит головой, неудобно ему было. Я уж помалкивал.

– Да а, - протянул Виктор, - встретила будущих защитников отечества. Ну, и как быстро вы выехали из Кемерова?

– Вечером следующего дня. С этим Володей мы попали в разные вагоны. До Новосибирска везли полтора суток. Лежу на нарах смотрю в окно, чтобы не видеть, как некоторые домашние шаньги жуют. В Новосибирске открылась дверь, и забросили мешок ржаных сухарей: - «Можно жить!» Ехали почти месяц.

– Вот, такие пироги!

– Да уж, поездка, так поездка! Нас, человек двести, в сорок третьем году, везли в пассажирских, но всего в двух вагонах. Мы там были, как селёдки в бочке. Это ведь были двухосные вагоны. Хорошо, что была ранняя весна и то под Ашхабадом изнывали от жары.

Из приёмника зазвучала песня: «Подмосковные вечера».

– Хорошая мелодия и слова лиричные, - сказал Виктор, - но пока фестиваль шёл больше «Марш демократической молодёжи» исполняли.

– Я в поезде слышал, когда ехал из армии, парень рассказывал: молодёжь была с разных стран, это все знали, а он удивлялся, что много негров было - больше половины.

– Про это и по радио говорили, - заметил Виктор.

В комнату заглянула мать:

– Витя, я в магазин схожу, а ты свежей водички в бочок принеси. – Принесу, - ответил он.

– Слушай, а когда родители сюда приехали?

– В тридцать седьмом. До этого жили в Нижнем Новгороде, его осенью тридцать второго переименовали в

Горький. Отец работал механиком на небольшом буксире и шкипером, сейчас даже на маленьких судах называют капитанами. В то время арестовали одного капитана, хотя был ярым большевиком. Друг отца, помощник капитана, на одном из пароходов, сманил его сюда на свою родину. Тут в тридцать третьем году образовалось «Верхне-Иртышское пароходство». Год отец проработал на буксире, а потом перешёл на грузопассажирский пароход «Академик Мичурин». На нём и доработал до пенсии помощником механика. Уволился после победы в шестьдесят два года.

– А он был членом партии?

– Нет. Он говорил: «Я сочувствующий», но механиком его не поставили. Мне советовал вступать, потому, что тогда легче найти работу. Вообще он революцию приветствовал, но после гражданской войны и в тридцатых, когда твердили: «Революция в опасности!» удивлялся: «Какая опасность?»

Рева усмехнулся:

– Понятно, почему, когда у тебя кончились деньги на четвёртом курсе, ты послал ему телеграмму: «Революция в опасности».

Виктор улыбнулся:

– Пойду, принесу воды.

Вышли из дома, Виктор по пути взял в сенях два ведра, попросил Реву присесть на скамейку на крыльце. Водоразборная колонка находилась метрах в сорока за огородом. Тупиковая улица от огорода до первого проулка была сплошной зелёный газон, с несколькими тропинками. Дома, в основном бревенчатые с разнообразными крышами, со ставнями, выкрашенными в светлые тона, с деревьями и кустами в палисадниках, точно, напоминали Реве улицы сибирских городков. Всё освещало, яркое солнце, образуя глубокие тени, и выглядело это живописно.

Виктор принёс воду, вылил её в оцинкованный бачок, стоявший в кухне, на небольшой табуреточке, накрыл

крышкой, улыбнулся: - Задание начальства – выполнено! Унёс ведро, и они вернулись в комнату.

Приёмник сообщил, что СССР и Иран договорились о совместном пользовании реки Аракс и ГЭС на какой-то другой реке. Было сказано, что в Бретанской Гвинеи, проходят выборы, а республика Чад, в Африке, получила независимость от Франции. И вновь заиграла музыка.

– Виктор, а ты, что-нибудь, помнишь в городе Горьком?

– Конечно, мне ж было двенадцать лет, когда уехали. Помню улицу, где жили; как-то с отцом и матерью были в кремле, на набережной.

Скрипнула входная дверь, а через некоторое время послышался голос Марии Александровны: «Витя подойди на минутку».

Он поднялся и вышел, но через пару минут вернулся:

– Что я запомнил в кремле? Башни, ходили по стене по каким-то доскам. На набережной крутой спуск к реке.

– А знаешь, я побывал в Горьком. Это было в этом году. Восьмого апреля, мы только пришли с завтрака – приказ на построение. Построились. Командир полка объявил: сейчас поротно двигаетесь на вокзал, поедете в город Горький. Дальнейшие приказы от моего заместителя по строевой части. Приехали на поезде, там нам объявили, что будем стоять в оцеплении. Расставили нас на площади, оказалось: приехал Хрущёв на митинг. Народу целая площадь, а люди ещё подходят, как попёрли - нас сразу смяли. Он выступал об отмене денежных займов. Мы, несколько солдат, вылезли из толпы, встали на бордюры, и слушаем. Видно его хорошо, но далековато. Народ давится: аж пар поднимается. Он говорит: «Не давитесь! Ведь всем слышно». Люди кричат: - «Правильно! Ура!»

Мой товарищ, тоже младший сержант, был местный, говорит:

– До построения наверно часа два, пойдём я тебе Чкаловскую набережную покажу. Я согласился. Шли недолго. Вышли на площадь: с одной стороны башня кремля,

с другой сквер, а впереди большой памятник Чкалову, а за ним – простор. Видно вдаль, километров на десять, а то и больше. Подошли ближе к спуску. Вниз спускается красивая лестница, которая два раза раздваивается, образуя, как бы восьмёрку. Красиво!

– Тогда этого всего не было, - сказал Виктор.

– Понятно. Там табличка стояла, где написано: памятник установлен в сороковом году, а лестницу строили с сорок четвёртого, по сорок девятый. Товарищ сказал, лестницу строить привлекали пленных немцев.

– Само собой, раз во время войны начали строить, - уточнил Виктор.

Поговорили о товарищах, которые оставались в посёлке, где они раньше работали на шахте. Из этого разговора Рева узнал, что его друг юности, Толька, которого не взяли в армию из-за плохого зрения и с которым он вместе учился и начинал работать, обиделся на начальника участка, перестал ходить на работу, запил и его уволили. Так, что он уехал оттуда раньше Виктора. Это Реву опечалило.

В комнату вошла Мария Александровна, в платье в синий горошек в небольшом фартуке, овальном снизу с мелкими узорами:

– Витя, подготовь стол будете обедать.

Он спросил, будет ли она с ними обедать, она ответила, что уже поела. Когда всё было подготовлено, Виктор отнёс в комнату кастрюлю с поварёшкой, Реве доверили три тарелки, в одной из которых был нарезан хлеб. Хозяйка вновь отнесла плетёнку, полную помидор, стала наливать борщ по тарелкам, извинительным тоном, сообщив:

– Он с тушёнкой, сейчас мясо почти не продают. А если продают, то берут, у кого появились холодильники, или кто на шашлыки.

Рева снова начал есть с помидора, но съел только один. Борщ понравился, был какой-то особый вкус. Ну, а если сравнить с армейским барщём, так это просто - чудо!

За обедом Виктор сказал, что в открытой торговле холодильник купить почти невозможно. Всё расходуется по блату. Потому стали распределять по организациям. Нам на электростанцию выделяют два, три в месяц, другим меньше. Торговля наши клиенты, ну и горком партии не возражает. У меня третья очередь на «Саратов – 2».

После обеда, продолжился разговор о товарищах, которые остались на шахте. Вдруг заговорил приёмник, очевидно после перерыва. Дикторша объявила о концерте классической музыки: Чайковский, романс – «Подъезжая под Ижоры», поёт лауреат государственной премии, солист «Большого театра» Пирогов. Пел хорошо. Рева несколько раз слышал этот романс.

Виктор проговорил: - Заметь, не говорят, что он лауреат Сталинской премии.

– Да, это понятно, - соглашаясь, сказал Рева. Пение продолжалось. Слушая, вдруг вспомнил, как он участвовал в полковой самодеятельности – пел в хоре. Он не вник в начало объявления, лишь услышал: ...сюита Ля Мажор исполняет «Оркестр народных инструментов имени Осипова». Полилась музыка. Как только услышал трели народных инструментов, он встрепенулся и, взглянув на друга, спросил:

– А где твоя мандолина?

– В моей комнате висит.

– Сыграй, что-нибудь. Что нам эта сюита.

Виктор поднялся, вышел из комнаты. Рева почувствовал огромное уважения к другу, его бескорыстную отзывчивость, не только к нему – это было в его натуре. Вернувшись с инструментом, он выключил приёмник и сел рядом, спросил:

– Что сыграть?

– Играй всё, что тебе нравится.

– Сыграю первое, что я разучил. Зазвучала мелодия песни «Полюшко – поле». Эти тремоло на мандолине, так сливались, складывались в мелодию, что Реве казалось, - эта

мелодия специально создана для этого инструмента. Потом последовали песни: «Ты меня провожала в солдаты», «Тёмная ночь», «Шаланды полные кефали». Рева слушал, вспоминая, как на четвёртом курсе, в общежитии, собирались в его комнате, чтобы послушать его игру. Перед поездкой на практику он заезжал к нему домой. Показывал, как можно научиться играть по цифровым нотам. И даже записал несколько песен, таким образом, на листке. А он обещал купить мандолину. Рева смотрел за его игрой, замечая, как меняется выражение лица, в зависимости от мелодии. Он заиграл вальс «На сопках Монжурских» Рева закрыл глаза, слушая самую знакомую мелодию. Услышав «Подмосковные вечера», восторженно открыл глаза:

– Когда же ты успел разучить?

– Да её сходу подобрал – мелодия красивая, - ответил, и прекратив играть, сказал:

– Ты уже клюёшь носом. Вряд ли ты в поезде выспался. Идём в мою комнату, подремлешь пару часочков. Он, было, начал отказываться, но согласился. К своему удивлению уснул быстро.

Проснулся, как будто что-то звякнуло. Посмотрел на часы – спал два с половиной часа. Обулся и вышел в коридор. Двери в сени и во двор были открыты, и он увидел Виктора, который с двумя вёдрами, выходит через распахнутую калитку. На крыльце Рева сел на скамью у стены. Теперь солнце снова, светило в лицо, только с другой стороны. Наблюдая за другом, увидел, как тот дошёл до колонки. Но в это же время к ней подошла женщина с двумя вёдрами на коромысле. Хотя он подошёл чуть раньше, он поставил свои вёдра, снял у неё одно ведро и стал наливать. Другое, она подала сама. Когда она зацепила одно ведро коромыслом, второе он приподнял и повесил на другой его конец. Она кивнула головой и пошла. Он наполнил вёдра и двинулся назад. Зайдя в огород спросил:

– Что уже выспался? Рева кивнул головой. Виктор подошёл к крыльцу, и повернул к участку с помидорами. Он

вылил ведро воды под один куст, а второе под другой. Повернувшись, сказал: - Жара спала, надо поливать. Рева спросил: - А ещё вёдра есть? Он ответил, что стоят в сенях, за бочкой. Рева взял их и заторопился догонять друга. Вёдра оказались чуть поменьше, и Виктор пояснил, когда я на работе мать ими носит воду. Помидоров было двадцать пять кустов. Рева ни разу не видел, чтобы кто-то в Сибири лил по ведру под один куст, но не спрашивал пояснения. Когда несколько раз сходили, Виктор спросил: - Как рукам не тяжело?

- Нет. В армии пришлось потаскать водичку. Второй год служил на эксплуатационной машине. Зима суровая. Чтобы тридцать четвёрку завести, надо было сделать три проливки двигателя горячей водой, прежде чем масло заливать. Бачок девяносто литров и сам килограммов десять, а ручки всего две. Вот командир с наводчиком, как можно скорее, должны были производить эту процедуру. Иногда, бегом.

- Понятно. Армия умеет тренировать, - заметил друг. Тут Рева слегка лукавил, последние полтора года, когда танк отправили на ремонт, он уже ничего не таскал в руках и ладони «горели» от непривычки. Сходив ещё несколько раз, закончили полив. Занесли вёдра в сени. Виктор сказал: «Посидим на крыльце, я сейчас» и зашёл в дом. Рева вышел и сел на скамью. Виктор быстро вернулся с пачкой «Беломора» и спичками.

Рева за это время не видел, чтобы он курил.

- Что не бросил?

- Ты же знаешь, пытался несколько раз. Но, сейчас постепенно приучил себя курить реже и вроде получается.

Виктор курил, выпуская дым и прищуривая один глаз. Видно было, что он испытывает удовольствие. Повернув голову, вынул папиросу изо рта, стряхнул с нее пепел, и с какой-то хитрецой, спросил:

- А как в армии отнеслись к «Антипартийной группе: Молотова, Кагановича, Маленкова и примкнувшего к ним Шипилова?» Наверно он специально выговорил полное

название группы, хотя последнее время говорили просто: «Антипартийная группа».

– Да, как? В армии, приказ – осудить! И осудят. Я в это время получил «неимоверный взлёт» в комсомольской должности: я был комсоргом роты, а в начале июня наш полк, ротного состава развернули в батальонный состав. Командиры рот стали командирами батальонов, хотя никакого пополнения не произошло. А я автоматически стал комсоргом батальона. В это время на всех собраниях и даже построениях, твердили слова министра обороны Жукова: «Кто бы, не посягнул, на единство партии, надаём по зубам!» Новый зам. полка, по политчасти, решил провести общее полковое собрание с коммунистами и комсомольцами. Подзывает меня лейтенант Попов, который возглавлял в полку комсомол, и говорит: - Надо выступить и жёстко осудить. Я отвечаю: - И десятый раз заявить, что надаём по зубам? Он вытаращил на меня глаза: - Ты что? Ты что? Я ему: - Я в их разборках не участвовал, и не знаю, как там всё было. Он протянул: - У у у! И отошёл от меня. Обиделся. А вообще мужик был хороший.

Виктор докурил, плюнул на папиросу, приподнялся и бросил окурки в старое ведро с мусором, стоявшее чуть в стороне от крыльца. Потом выпрямился, пошевелил плечами, как бы разминая их и, разворачиваясь к двери, посмотрел на Реву и сказал: - Сейчас пойдём в магазин, надо кое-что купить к завтрашней рыбалке.

Магазин был недалеко, в первом проулке. Это было здание из серого, силикатного, кирпича разделённое на две половины. Над одной дверью висела вывеска «Промтовары», над другой - «Продукты». Вошли в продуктовое отделение. За длинным прилавком находились две продавщицы, за ними высокая витрина. Слева красовались бутылки различных вин и водки, консервные пирамиды. Посередине, латки с конфетами, справа латки с крупами, лапшой и полка с хлебом. В магазине других покупателей не было. Обе

продавщицы, проявили внимание, но одна, по-бойчей, слегка похоя на казашку, спросила:

– Что желаете?

– Желаем многое, купим нужное, - шутиливо ответил Виктор. По дороге он сказал, что будет нас шесть человек, возьмём хлеба, колбасы и пару бутылок водки. И добавил, что в их компании принято выпивать, после рыбалки, перед ухой. Он у этой продавщицы купил две булки хлеба, попросил взвесить полкило докторской колбасы. Рева остановился перед витриной с конфетами. Светло-русая продавщица слегка улыбалась, но ничего не спрашивала. Рассмотрев этикетки, он попросил, взвесить сто пятьдесят грамм ирисок. И тут же внимательно рассмотрев выставленные консервы, заметил, что с полок исчезли крабы, которые, до ухода в армию, заполняли полки. Он попросил подать ему три банки «Бычков в томате». В это время подошёл Виктор, и, увидев, за что он рассчитывается, произнёс: - Кто ж покупает рыбные консервы на рыбалку?! – А, ладно, - махнул рукой Рева, - может, пригодятся, - и положил их в холщёвую сумку Виктора. Тот обратился к продавщице: - Мне водочки. - Три шестьдесят две, - произнесла продавщица и потянулась к полке. - Две бутылочки, - уточнил он, и протянул деньги. Аккуратно установив бутылки в сумку, он поблагодарил продавщицу, и они вышли из магазина. По дороге Виктор покручивал головой из-за неудачной покупки Ревы.

Начало смеркаться. Поужинали. Виктор попросил Реву померить одежду, взятую у соседей. Он померил. Всё оказалось хорошо: она была ему в пору, чистая. Он только вставил в штаны свой ремень. Виктор укладывал всё необходимое в рюкзак. Когда дошло до консервных банок, взглянул на Реву, но ничего не сказав, положил и их. Он решил не обижать друга.

Виктор сказал, что они договорились отплыть не позднее восьми часов, потому надо лечь раньше. Рева сказал:

– Надо бы побриться. Я бреюсь через два на третий день, но ты говоришь завтра надо рано выходить.

– Сейчас организуем. Мне тоже надо, хотя на рыбалку не обязательно.

Побрились возле раковины, где висело зеркало с полочкой, на которой лежали все принадлежности для бритья.

Договорились спать вместе на раскладном диване, хотя Виктор предлагал ему лечь в его комнате, но он отказался. Он прикинул, что всё равно сразу не уснуть, и можно ещё поговорить с другом, которого он очень уважал.

Улеглись. Свет не зажигали. Мать прошла в спальню и закрыла дверь. Рева заговорил первый, ему хотелось поделиться с ним тем, что он осуществил, благодаря рассказам друга и спросил:

– Помнишь Виктор, ты рассказывал про одного капитанармуса, который, прикидывался малограмотным, а сам читал «Капитал» Маркса? А потом оказалось, что после демобилизации, он работал на авиаремонтном заводе замом главного конструктора.

– Помню.

– Когда привезли в учебный полк, разобрался в распорядке дня: свободный час до отбоя и выходные дни, решил почитать политическую литературу. Библиотека в полку хорошая. Начал с Ленина – «Развитие капитализма в России». Проверил свою усидчивость: скучнейшая книга! Сколько чего производилось, в какие годы, доходы, расходы. Различные графики и так далее.

Мужественно дочитал. Библиотекарша посоветовала прочесть - «Анти - Дюринг» Энгельса. Эту прочёл с удовольствием.

– Хлётско! Молодец! – похвалил Виктор.

– Прочёл – « Государство и революция» Ленина. Понятная книжка. Взясся за «Капитал». В одно из воскресений командир взвода, лейтенант увидел, что я его

читаю и потом меня всё подразнивал марксистом. Но его не дочитал. Учебка закончилась, и послали по частям.

– Что тебе сказать? Время зря не потратил, а в жизни может, пригодится, - сделал вывод Виктор.

– Рева, а к молодёжному фестивалю вас, военных, не привлекали? – спросил он, зевнув.

– Нет, не привлекали. Всё, что узнавали – по радио или из газет, - ответил он, и почувствовал, что разговор надо заканчивать.

Они пожелали друг другу «Спокойной ночи», но Рева сразу не уснул. Он испытывал чувство полного удовлетворения: ещё нет десяти дней, когда он был в армии, а он здесь, у настоящего друга, с которым прожил восемь месяцев в одной комнате, делясь с ним своим мыслями, переживаниями и радостями. Который всегда откликнулся на его душевные порывы, давал советы, если он их просил. Его начитанность, полтора года на фронте, его жизненный опыт, никогда не выливались в высокомерие. С ним было просто и интересно жить. А завтра откроется ещё одна грань жизни, которую без него, вряд ли он сможет испытать с кем-то ещё. С этой блаженной мыслью он и уснул.

Они вышли из дома, когда на Ревиных часах было пятнадцать минут девятого, но по местным часам было на час раньше. Солнце поднялось уже выше деревьев у реки. От неё тянуло приятной прохладой. Белый с голубыми полосами катер, стоял слева у самого мыса, удерживаемый швартовым канатом. Катер был довольно большой. Впереди была застеклённая рубка, как сообразил Рева, а ниже к корме, продолжался салон с пятью круглыми окнами. У швартового столбика стоял высокий, средних лет, мужчина в белой рубашке и серых штанах. Подошли к нему. Он был черноволос, голубоглаз с небритым лицом. Виктор передал Реве рюкзак, который нёс за лямки, и поздоровался с мужчиной, пожимая руку, спросил:

– Ну, что? Всё нормально, Матвеич? Широкие брови его сдвинулись и, скривив, рот, произнёс:

– Не совсем, Виктор Иванович, вернее совсем не важно. Вчера прошли последний поворот, тут фарватер нормальный, добавил оборотов, ребята торопили. И вдруг двигатель заглох. Пытался пару раз завести – не получилось. Швартовался сходу по дуге, так что уткнулся в берег.

– Так, что? Ничего не получится? – с досадой спросил Виктор.

– Я вызвал Степана Крутова, он с этим двигателем лучше всех разбирается. Сейчас подойдёт.

Виктор повернулся к Реве:

– Придётся подождать. Вон, сядь у берёзы, в ногах правды нет.

Берёза с мощным стволом находилась метрах в двадцати от катера. Вокруг неё росла трава, а со стороны реки был небольшой приямок. Рева сел, навалившись на ствол, ноги оказались в приямке, и он почувствовал себя, словно сел в удобное кресло. Рюкзак положил рядом. В нем была только еда. Когда он спросил, почему нет котелка, чашек, только ложки кружки? Виктор ответил, что на катере всё есть. И в это время он подал ему картонки с намотанными лесками и перочинный нож, со словами: - У тебя на куртке накладные карманы с застёжками, положи. Рева спросил: - А удилиц, нет? – Там вырежем, - ответил он. – А где червей копать будем? – Не будем, – ответил Виктор, - мы будем на «махан» ловить, - пояснил. Рева, где-то слышал, что так называли кусок мяса... Удивился.

По реке пронеслась вверх по течению моторная лодка с двумя пассажирами. Рева любовался этой рекой с бурунчиком за лодкой, слегка туманной далью, деревьями на той стороне реки, стволы которых были в тени, а макушки пенились на солнце. В этот момент к Виктору и его сослуживцу подошёл плечистый парень в цветной футболке и кепке. Перекинувшись словами, которые Рева не мог разобрать, они обошли катер с другой стороны и поднялись

на него. Один, что был белой рубашке, показал рукой в сторону реки, и они спустились вниз.

К катеру подошёл парень в куртке, в светло серых штанах с рюкзаком на одном плече. Увидев Рева, направился к нему. Подойдя, поприветствовал, а когда Рева ответил, спросил:

– Ты с Виктором Ивановичем?

– Да.

– А почему тут сидишь?

– Что-то с двигателем катера. Там пришли, наверно ремонтируют.

– Понятно. Закон подлости. На его худошавом лице возникла скептическая гримаса: уголки рта опустились, а нижняя губа выпятилась. Но в карих глазах это не отразилось.

Подошёл молодой мужчина в зеленоватой куртке и таких же брюках. Он был среднего роста рыжеволосый, веснушчатый, круглолицый, со светло голубыми глазами и белёсыми бровями - произнёс:

– Здорово, Валерка! Чо сидим?

– Тебя ждём. Ты ж моторист.

– А чо тут?

– Твои все лошадиные силы, жрать хотят. Там их уже кормят.

Иди, помогай.

– Што ли, с движком чой-то?

– С ним родимым, - продолжал ёрничать Валерий. Тот, неся рюкзак в руке, пошёл к катеру.

Валерий опустился на траву, аккуратно поправил рюкзак, улёгся и положил на него голову, изрёк:

– Не говорили, что быстро починят?

– Нет,- подтвердил Рева.

– Если сказали быстро – это часа на четыре, пять, - и вдруг добавил, - О, Саня подвалил. К парню, что направился на катер, подошёл высокий плечистый мужчина в серой куртке и тёмных брюках. Они поздоровались рукопожатием. Подошедший, повернулся в их сторону и поднял руку.

Валерий в ответ тоже махнул ему. Те оба направились на катер. Валерий повернулся и спросил:

– Тебя как звать?

– Рева.

– А полное как?

– Ревмир.

– Это, что? Революция и мир?

– Так, выходит.

– Во, родители давали! Я по-моему в «Комсомолке» прочёл, одни дочь, в то время, назвали. Сейчас вспомню, - он на момент задумался и произнёс: - Да-здра-пер-мая. Это – Да здравствует первое мая! Он хохотнул. У него была ровная тёмно-русовая чёлочка, прямой небольшой нос и крупная родинка за правым ухом.

По реке, одна - за одной, промчались моторные лодки.

– Нормальные люди уже на рыбалке, а привилегированные сидят на берегу, - с раздумьем произнёс Валерий.

Рева посмотрел на часы – прошёл уже час и двадцать минут. Заявление попутчика, что ожидание может продлиться пять часов, а если не быстрый ремонт, то ещё дольше, как-то странно, но успокоила его, и он перестал думать об этом ремонте. И задавать себе вопросы: «Когда? И скоро ли?»

После нескольких минут молчания, Валерий приподнялся и сидя сказал: - Пойду, наверно. Посмотрю – может в проводе что.

Он встал, взял рюкзак и обратился к Реве: - Идём. Можно и в катере посидеть.

– Здесь лучше. Природой можно полюбоваться, - отказался он.

– Ну, да, - согласился тот, и пошёл к катеру.

Уход собеседника, погрузил в раздумья не связанные с сегодняшним днём. Наблюдая, за далью, которая прояснилась и дальний лес, стал более голубым. Солнце поднималось и тень от деревьев, на том берегу, стала

выползать на берег. Он осознал, что такими далями он любовался только в поездах, когда ехал куда-либо. И тут вспомнил, как ехал в армию почти месяц, без четырёх дней, жуя чёрные сухари и лёжа на нарах, глядел в окно. Пришлось «любоваться» далями и вообще природой, чтобы не обращать внимания на призывников, которые уплетали кулинарные изделия домашнего производства. А мысли нет – нет возвращались к одному: «как можно забыть о таком количестве людей, главное – о, их питании. Одни чины говорят, что их сразу поставят на довольствие, а другие об этом не знают». На станции «Свердловск» всех выгрузили и объявили, что здесь их покормят горячим обедом. Были предвечерние сумерки. Вокзал был в стороне, и стало понятно, что это воинская площадка, которая была и своим городе. Все, которые ехали в данном вагоне, попали в первую очередь. Построили в колонну по четыре и повели. Шли, минут десять, мимо каких-то приземистых, кирпичных зданий. Вышли на небольшую площадь с большим, но тоже приземистым, бревенчатым зданием с массой небольших окон. Он сразу сравнил его с закрытым клубом ГРЭС, в городе Кемерово. Зашли в огромный зал, уставленный столами метров по пятнадцать и скамьями возле них. На столах были поставлены алюминиевые миски, около них лежали ложки и ломти хлеба. Как оказалось миски были наполнены борщом. Расселись. Он откусил хлеба, оказался свежим и вкусным, ложкой зачерпнул борща и попробовал: он был довольно тёплым, но вкус не походил даже на столовские борщи. Зачерпнув поглубже, на ложке оказались куски свёклы и кусочек листа зеленоватой капусты. Пожевав, решил, что не вкусно, но есть надо. Хотя даже запах ему не нравился. Зачерпнув вторую ложку, он увидел на ней кусок не чищеного картофеля. Бросил его назад в борщ и положил ложку. Тут он сразу вспомнил, почему ему не понравился запах. В детстве, когда бабушка варила поило, для коз, из картофельных очисток и разной ботвы, такой запах распространялся по дому. Он доел хлеб и ждал,

когда поедят другие, так как предупредили, что выходить надо по команде. В столовой было довольно темно, за дальними столами различались только силуэты. Подумал: «Может специально не зажигают свет, чтобы не видели что едят». Потом пришла мысль ещё грустней: «А если в армии вообще так кормят?» Но другая опровергла: «Кто служил, на такое не жаловался».

До города Владимира, куда его привезли, «горячих» обедов больше не организовывали. Запомнилась первая в армии медицинская прививка...

От воспоминаний отвлёк голос с катера, мужчина в белой рубашке, кричал рыжему парню, бегущему в сторону электростанции, чтобы тот не перепутал клапана. Из этого Рева понял, что идёт солидная разборка двигателя. Посмотрел на часы: прошло ещё сорок минут. Тень от деревьев подползла к бугорку на том берегу. Он ещё раз посмотрел на часы и перевёл их на местное время. По тёмно-синей воде пронеслась лодка в сторону города, с чувством иронии подумал: «Вот кто-то уже наловил рыбы и торопится домой», - посмотрел на катер – снаружи никого не было. Взгляд остановился на трёх лодках, в развалку лежащих на этом берегу, метрах в пятнадцати от него. Подумал: «Хорошо, кто здесь имеет собственную лодку. В любое время сел и поехал, да ещё, если она с мотором».

Направив взгляд вдаль, ему вдруг вспомнился первый год службы в учебном полку. Он попал в батальон, где учили на командиров танков. Во взводе было только два человека, которые имели неполное средне образование, у остальных десятилетка или техникум. Интересно, что из двадцати девяти человек было четырнадцать национальностей. О каждом можно, что-нибудь вспомнить, но если вспоминать не саму службу, то первое кем он поразился – это своим соседом по койке. Звали его Адольф Никитин. Сдружились с ним и потом попросились одну часть и служили вместе до демобилизации. Удивил тем, что в первый же свободный вечер написал письмо жене. Он был младше на два года, а

вот успел окончить техникум и жениться. Но надо было признать, что он был просто красавец. Если бы его фотографии выставить, как актёра, их бы купили все девушки Союза. Через три дня приходит ответ и начинается переписка – каждый день письмо. Длиться это несколько месяцев. Иногда хвалился: - Это от Адольки. Её звали Аделоида. Все об это скоро узнали и иногда, как у его друга, спрашивали: - Как там дела Адольфа и Адольки? Потом он показал её фотографию: черноволосая, с косой на груди, в белом платье стоит у ствола берёзы и тоже красавица. Потом письма приходили три, два раза в неделю. И вот в начале мая, погода совсем тёплая, в один из выходных, он сообщает, что сегодня приезжает Адолька. И, около одиннадцати часов утра, раздаётся звонок к дежурному по роте из КПП о её приезде. Он зовёт с собой. Немного неудобно из-за внешнего вида. Дело в том, что новую форму сразу забрали в каптёрку, а выдали стираную. Однако, за шесть месяцев она была настолько затёртая, что поплёскивала на солнце. А день был солнечный.

По дороге он позвал ещё товарища - Лёшку Елукова. Тот был из Ленинграда, окончил какой-то техникум и его направили в конструкторское бюро, где проектируют подводные лодки. Беда была, что он блондин и его курносый нос сходу обгорел на солнце и краснел на белом лице. Адольф попросил нас обождать на скамейке, а сам пошёл на КПП. Через пару минут они выходят и приближаются к скамейке, встаём. Рядом с другом идёт маленькая, рыженькая из-за весны в веснушках – ничего общего с фотографией. Но личико симпатичное. Здравуемся. Друг нас представляет: - Ревмир – горняк! Алексей – конструктор подводных лодок! Тот учтиво кланяется – Ленинградская интеллигентность, с некоторым разворотом, чтобы спрятать вырванный клочок на своей коленке. Потом Адька, как я иногда называл его, представляет её и неожиданно достаёт из галифе чекушку водки и сухарь. Она на всё улыбается и качает головой. Дальше всё как обычно... Но даже сейчас

вспоминая, Рева было обидно, что сделав пару глотков водки, закусывая сухарём, сломал запломбированный зуб, который через год пришлось удалить. Вспомнил, что их переписка продолжалась до августа, но в сентябре прекратилась. А в октябре она сообщила, что вышла замуж и у ней всё оформлено. Уже в линейной части он залил, как бы случайно, страничку в солдатской книжке, где значилось, что он женат. В конце второго года он завёл подругу, отбив её у одного лейтенанта.

Частенько вспоминался грузин Бухути Напаевич Кодуа, чуть выше среднего роста с красивыми усами. Кавказцам, даже в учебке, разрешили иметь усы. Но...

Раздался какой-то стук. Рева посмотрел в сторону катера: это на него поднялся рыжий парень и спустился вниз.

Солнце поднималось всё выше, тень на том берегу коснулась бугорка, но стала уменьшаться. Становилось жарко. Рева поднялся, снял куртку и положил на рюкзак. Потом нагнулся достал из кармана фунтик с ирисками, взял одну, положил свёрток назад и уселся на прежнее место.

Посасывая конфету, продолжал рассматривать уже знакомый пейзаж, который из-за движения солнца, чуть менялся. Он замечал это, как любитель рисования. Со стороны катера послышались звуки в виде негромких ударов, но сверху никто не появился. Вскоре их заглушил рёв катера, похожего на этот, который пронёсся вверх по течению. От белого буруна понеслись к берегу приличные волны, сверкая десятками солнечных зайчиков. Волны накатывались на берег, и Рева впервые услышал их тихий плеск.

Взглянув на катер, он увидел, что наверх поднялся Виктор и сразу спустился с него. Выйдя из-за катера, направился к нему. Он подошёл и с виноватой улыбкой сказал: - Кукуем! Как всегда, сначала действует закон подлости. Возились с клапанами, теперь меняют карбюратор, но он после ремонта. Хочь сходить к главному механику насчёт

нового карбюратора. Но ничего, добъём этого «зверя» - всё равно уедем сегодня. Не устал ждать?

– Вроде нет. Погода хорошая. Любуюсь.

– Ну, ладно, я пошёл, - и он двинулся к дороге.

Конечно, ждать не очень приятно, но Реве не хотелось расстраивать друга. Ему было понятно, что он и так этим удручён.

Вдали по тому берегу прошла машина, подняв клубы пыли, которая из-за тихой погоды зависла в воздухе, закрывая синеву дальнего леса и медленно исчезала. Вдруг, где-то сзади, послышалась музыка. «Очевидно, кто-то в одном из ближних домов открыл окно или просто включил репродуктор, если оно было открыто», - подумал Рева. Музыка стихла, но вдруг заиграла громче, как будто добавили звука, и через мгновение послышался голос Лемешева, который пел арию герцога из оперы Верди «Риголетто». Слушая это чудесное пение, Рева вспомнил одну, не очень приятную, историю, в которой принял участие по армейским законам, но необычную. Случилось она на первом году службы, в учебном полку. Был конец марта. Его роте в этот день предстояло вечером выехать на полигон для ночных стрельб. А у него на шее образовался приличный фурункул. Он показал его командиру взвода, лейтенанту Пашутову и тот разрешил остаться в роте. Часа в четыре рота ушла на станцию. Рева увидел, что в первом взводе остались два человека, в третьем и четвёртом по одному. Он достал из тумбочки книгу, лёг на кровать и стал читать, но углубиться в текст мешала радостная мысль: «Всё - таки ему повезло, ведь погода на улице - хуже не придумаешь: моросит мелкий дождь, а ветер холодный. Про такую погоду говорят - промозглая. Но он не ловчил, не старался обмануть», - и потрогал набухший чирей. Наконец, углубился в чтение, но книга была серьёзная и места в ней бывают разные, а некоторые откровенно скучные. И на одном из таких он задремал. Его разбудила команда дежурного по роте: - Встать! Смирно! И доклад: - Товарищ

подполковник, вторая рота отбыла на полигон для проведения учебных стрельб, дежурный по роте - рядовой Строкин. Потом последовала команда «Вольно». Рева понял, что пришёл командир батальона подполковник Сидоров. Рева нагнулся и между двумя ярусами кроватей, увидел, как он продвинулся на несколько шагов и остановился. Послышался его резкий голос:

– Что за люди в роте?

– Больные, товарищ подполковник, - ответил дежурный.

– А ну-ка, всем больным построится в одну шеренгу, - последовала его команда.

В проходе первого взвода Рева оказался третьим. Подполковник подошёл и спросил первого, что у него болит. Тот ответил, что упал и вывихнул левое плечо, ему поправили, но опухоль и боль ещё остаются. У второго чирей, был на правом плече. Рева показала свой на шее, у четвёртого болела нога. Ему командир батальона сказал: - Ты же подошёл, не упал? Тот стал объяснять, но он уже слушал пятого. Сейчас Рева не вспомнил, на что тот жаловался. Выслушав последнего он спросил дежурного, кто в роте остался - за старшего? Получив ответ: - Сержант Ивлев. Приказал позвать. Дежурный вызвал его из «Красного уголка». И через минуту сержант доложил о своём прибытии. Подполковник произнёс: - Товарищ сержант, десять минут на сборы, всю эту команду симулянтов, посадить на электричку, восемнадцать тридцать, и доставить на полигон. Стрельбы начинаются в девятнадцать тридцать. Мне доложат о вашем прибытии. Исполнять, - повернулся и вышел из роты.

Настроение Ревы упало на ноль, у остальных тоже.

Пронзительный ветер дул в лицо, кое-где под ногами хлюпал мокрый снег. Рева подумал: «Хорошо, что перестала моросить изморось и то, что ещё не перевели на летнюю форму: шапка и бушлат всё-таки спасали от холодного ветра. Сержант подбадривал: - Живы будем - не помрём! Ему ведь эта поездка была тоже неожиданным сюрпризом. Улицы

были почти безлюдны. На станции ждали недолго. Тридцать километров проехали минут за двадцать. Станция небольшого городка была деревянной, выкрашенной охрой. Сержант не довёл их до неё, а свернул в переулочек между деревянными частными домами. Скользя по мокрому, снежному месиву, спускались в огромную балку. Дома кончились, дальше метров пятьдесят прошли по ровной хлюпающей тропинке до большого ручья. За ним предстояло подняться метров сорок по крутой тропинке, слегка извилистой. Рева помнил, как месяц назад, проходили всей ротой на первые дневные стрельбы. Тогда по снежной протоптанной тропе прошли без труда, и только подъём составил некоторые трудности. Удивило то, что бугор с которого они спустились, дугой примыкал к полигону, но почему-то там не было дороги. Как раз на этом примыкании, метрах в двадцати, наверху, стоял большой тёмный от времени сарай с огромной вывеской – «Метизный завод». На его коньке висел большой алюминиевый колокол репродуктора. Тогда он передавал последние известия, сейчас молчал. Ниже, находился круглый прожектор, который он тогда не заметил, а сейчас ярко светил, как раз на этот ручей. Наступили сумерки, но они оказались, словно на освещённой сцене.

Возникло препятствие, которого зимой не было. Где-то сверху, с полигона, от этого завода по размытому руслу с шумом бурлил мощный ручей. Внизу он сделал глубокую промоину, у которой пришлось остановиться. Ширина её была метра полтора и до бурлящей тёмной воды примерно метр.

– Ну, что? Надо перепрыгивать, другого выхода нет, - сказал сержант. Он отошёл метров на пять, сказал: «Делай как я!» Разогнался и перепрыгнул через промоину. Поскользнулся, но устоял и, разворачиваясь, скомандовал:

– Первый - пошёл! Перепрыгнули, довольно рослые парни с первого взвода. За ними солдат из четвёртого взвода.

Парень с третьего взвода, тот, что жаловался на боль в ноге, действительно хромотал, заявил:

– Я не смогу. Я не перепрыгну.

Сержант скомандовал:

– Федотов прыгай! Он разбежался и перепрыгнул. Его подхватили ещё на лету.

– Давай Лёвин, мы тебя подхватим. Он побежал, прихрамывая, но толчка у него не получилось. Не долетел даже до середины, сержант и парень, что повыше поймали, его руки, но тот полетел вниз. Сержант с солдатом упали на колени, а Рева и другой солдат схватились за них, чтобы удержать. Лёвин рухнул в воду больше чем до пояса. Не выпуская его руки, потянули его наверх. Как только можно была ухватиться, вчетвером вытащили его на лёд. Едва, встав на ноги, он с виноватым видом стал твердить: - Я же говорил. Я же говорил. Вода струилась с него, разливаясь по льду. Сержант приказным тоном сказал: - Всё! Разговоры прекратили! Ты снимай свой бушлат, вы вдвоём выкручивайте его чуть не досуха. А ты всё снимай – до нога. Сержант снял свой бушлат и постелил, чуть в стороне, на снег. Чтобы тот раздетый мог стоять не на снегу. Ему помогли снять сапоги и всё остальное. Сержант приказал Реве снять нижнюю тёплую рубашу, так как с пострадавшим одного роста, Он снял бушлат и гимнастёрку и начал стягивать рубашу, сержант снял сапоги и, переминаясь на Ревином бушлате, снимал галифе. Потом снял кальсоны. В это время из репродуктора – колокола грянула музыка, и голос Лемешева запел: - «Ты постой, постой красавица моя, дозволю наглядеться радость на тебя». А вид был: один стоит голый, сержант без штанов в трусах и он голый до пояса. Песня умолкла, диктор проговорил, что-то и вновь голос Лемешева: - «Сердце красавицы, склонно к измене и перемене, как ветер мая...» Сержант, бросая кальсоны бедалаге, произнёс: - Теперь, вы оперу Верди «Риголетто» запомните на всю жизнь. Ещё один солдат одел бушлат на нижнюю рубашу, отдав пострадавшему гимнастёрку.

Мокрые галифе выжали до предела, и он их одел. Сержант отдал ему носки, которых у солдат нет – вместо мокрых портянок. Окончив переодевание, двинулись по тропе наверх. Лемешев пел романсы. Два парня помогали хромоту, одному дали нести свёрток мокрой одежды. Было, скользко и почти темно, так как сюда свет прожектора не падал. Когда, поднялись наверх, на полигон, и двинулись к палаткам, голос Лемешева проводил словами: «Куда, куда вы удалились?..» Ещё вспомнил, что после стрельб остались без ужина: половодье не позволило походной кухне переехать неказистую речку...

Вспоминая это и из-за музыки, которая продолжала звучать из окна, Рева не заметил, вернулся Виктор или нет. Он посмотрел на катер. Показалась голова, уже знакомого ему – Валеры. Тот вылез наружу, спустился с катера и направился к нему. Он был без куртки. Рева опередил его вопросом, едва он подошёл:

– Как продвигается ремонт?

– Хреново. Ринулись клапана менять, потом давай валить на карбюратор, - он сел на траву, - продолжил, - Виктор Иванович пошёл к главному механику, а тот куда-то уехал, сказали перед обедом - будет. Степан, в движке неплохо разбирается, но, по-моему, в электрике двигателя сечёт плохо. Там, какая-нибудь релюшка, - он крутнул сложенными, пальцами, как будто держит маленькую вещь, - «крякнет» и всё встанет. Он посмотрел на Реву и, с некоторым раздумьем сказал: - Я хоть сам электрик, но в моторной проводке, не волоку. Была бы своя машина – разобрался бы.

– Я вот тоже, электромеханик, а в этом деле – профан, признался Рева.

Валерий, слегка улыбнулся: - В каждом деле свои секреты. Он взъерошил свою чёлку и махнул рукой: - Пойду, схожу домой. Он поднялся и, отряхивая брюки, проворчал: - Там эта котовасия надолго, - и пошёл к дороге.

На реке показалось пассажирское судно с двухэтажной надстройкой и круглыми окнами по бортам. Оно шло вверх по течению, разрезая встречную воду, образуя белые дуги её впереди и мощный бурун за кормой. Рева почему-то подумал, что речники бы сказали о нём, что оно двухпалубное и с иллюминаторами по бортам. Движение было довольно быстрое и вот от него шли уже настоящие волны. Они с особым шумом накатывались на берег, а их высота доходила до нескольких десятков сантиметров. Корабль исчез, а волны уменьшаясь, продолжали накатываться на берег.

Музыка от домов прекратилась. Рева взглянул на часы: было без пяти одиннадцать. И тут же увидел, что к нему идёт Виктор.

Подойдя, сказал: - Ты уж, Рева, извини за такое длинное начало,- он сел рядом. Его взгляд и выражение лица, говорили о его досаде на всё, что происходит. Он решил – пояснить:

– Парни думают, заменить карбюратор, я ходил уже...

Рева сказал, что подходил Валера и поведал о бедах.

– Понимаешь, если у них над душой не будешь сидеть, они кучу причин придумают и ни черта делать не будут. Я ещё раз схожу к механику, он мне не откажет... Сейчас заскочу домой и пойду к нему. Может, тебе дома подождать, пока всё это тянется?

– Нет. Дома, по-моему, ещё хуже ждать. Тут на природе, что-нибудь, отвлекает. Корабли красивые, белые проходят.

– Ладно, пойду, - чувство вины Виктора не оставляло, но желание исполнить обещанное, заставляло действовать, он поднялся и пошёл к дому, чтобы предупредить мать – на счёт обеда. Складывалось так, что раньше двух часов не наладят.

Механика пришлось подождать ещё минут пятнадцать. Он подъехал на своём мотоцикле к гаражу. Он был чуть постарше Виктора, но не воевал. Все знали, что он всю войну проработал на каком-то военном заводе механиком. К

Виктору относился с особым почтением, как и ко всем фронтовикам. Но рыбалку не любил, так как вырос в степном городе. Катер считал для электростанции обузой, которая доставляла ему лишнюю мороку. Когда, поздоровавшись, Виктор заговорил о карбюраторе, его полноватое лицо, состроило болезненную гримасу, и он произнёс: - Я же Панкрату Зуеву дал один. - Да он после ремонта. Что-то не получается. Хорошо бы новый. У меня друг приехал из Сибири, хотел Иртыш показать. Он на большой реке никогда не был. На лице механика появилась недоверчивая усмешка, он покивал головой и сказал: - Ладно, подожди, - и отправился к складу. Вернулся быстро, неся в руке порядочную деталь. Отдавая, предупредил: - Пусть Степан выпишет его через бухгалтерию, а на снятый, потом подпишете акт на списание, у Кати, Степан, Панкрат и вы. Виктор поблагодарил, пообещал всё подписать и заторопился к катеру.

Рева думал о Викторе и сожалел, что так всё получается. Он искренне верил в его желание сделать для него приятное и даже необычное, чтобы ему запомнилась эта поездка по реке. Ведь, он действительно ни разу не ездил по реке. Возможно его желание совершить такую поездку, да ещё на известной всем реке, позволяло ему терпеливо ждать этого счастливого момента. Посмотрев, в сторону катера, он увидел Виктора, который поднялся на него и, помахав ему рукой, спустился вовнутрь. Это немного подняло настроение, значит, у Виктора получилось, что он хотел.

На том берегу тень от деревьев полностью исчезла, солнце заливало всю даль: синева леса исчезла и у горизонта была просто голубоватая дымка. «Даль, даль, что же она напоминает?» - подумал он и вспомнил. В такую даль он всматривался, когда в учебном полку устроили марш-бросок их батальону. Утром, после завтрака построили весь личный состав против казармы, трёх этажного здания, екатерининских времён. Командир батальона объявил о том, что получен приказ командира полка о проведении марш-

броска на тридцать шесть километров, в полной выкладке. На сборы один час. Было это в июле, поэтому шинели пришлось свернуть в скатки. Чему в казарме в миг - обучили. Полная выкладка – это: рюкзак, который в армии именовали вещьмешком, со всеми бытовыми принадлежностями, запасными портянками, пакетом НЗ – неприкосновенный запас продуктов, но который надо вернуть после марша, противогаз, фляжка с водой, карабин и одетая через плечо скатка. Через час построили и шагом марш! Сначала колонна вышла на знаменитую «Владимирскую» дорогу, что ведёт в Сибирь. Шли по ней километров семь – восемь. Он шёл в шеренге из четырёх человек, с левого края. Когда прошли километров пять, солнце стало пригревать, он и стал вглядываться в горизонт: где же там, в дали, тридцать шестой километр? Скатка слегка потирала шею, и он невольно отклонял голову. Банка противогаза своим ребром неприятно давила ниже поясницы. Он догадался, что это из-за фляжки, и передвинул её чуть набок - давление прекратилось. Появились первые капли пота на лбу.

Он машинально провёл по нему рукавом левой руки.

Ещё через пару километров, ему стало казаться, что он вряд ли дойдёт до конца – горизонт имеет свойство удаляться. Но через некоторое время, колонна повернула на лесную дорогу.

В этот момент он догадался, что скатку подпирает ствол карабина и чуть сдвинул ремень назад, скатка перестала касаться шеи.

Странно, но ему показалось, что идти стало легче. Теперь глядя вперёд, он как в детстве, когда носили хворост из леса, ставили ориентиры: вон до того дерева или столба, дойдём и отдохнём. А теперь он замечал в дали большое дерево и убеждал себя: до него дойдём и на километр маршрут сократится. В его шеренге, рядом шёл Лёша Божков, за ним Эдька Ревенский, и Рашид Тазов. Первое время шли молча, а здесь в лиственном лесу, было очень красиво, и он хотел сказать Лёшке о красивом, развесистом дубе, почти, как на

картинах Шишкина, но тот опередил его: - Смотри, сплошной орешник! Сейчас уже орехи должны поспеть. Рева никогда не видел кусты орешника и сказал: - У нас в Сибири орехи только кедровые. - Эти больше, - уточнил тот.

Сейчас, вспоминая тот марш, Рева отметил, что после примерно десяти километров, идти стало как бы легче и стали разговаривать. Божков окончил сельхоз техникум и, даже полгода, поработал агрономом. Поэтому, он спросил его, что он думает об освоении целинных земель, про что всё время говорили по радио, в «Красном уголке». Тот скосил на него глаза и сказал: - Дело хорошее. Только всё надо делать по уму.

Завести людей, технику вывести в степь можно, а как дальше? В палатках долго не протянешь. Строить дома надо. А это дело не быстрое. А урожай куда девать? Крытые токи нужны или элеваторы, но их ведь там нет. - На машинах вывезут и всё,- вклинился в разговор Эдик, он был из Москвы.

- Слушай, ты же в сельском хозяйстве ничего не понимаешь, а решил рассуждать - упрекнул его Алексей, и поставил ему ловушку:

- Скажи, Эдя, из чего делают крупу для манной каши?

- Да, знаю, - убеждённо заявил тот, - она растёт как просо, только мельче. Мы усмехнулись, а Рашид сказал:

- Из пшеницы, Эдка, её делают.

- Ну, ты тоже..., - протянул Эдуард. А Лёшка поддержал Рашида и стал объяснять, как она делается. Через некоторое время, Алексей сам заговорил об освоении целины, но с другой стороны.

- Понимаешь, Рева, если бы поднять урожайность наших полей хотя бы на половину и целину не надо поднимать.

- Как же этого добиться? - спросил он тогда.

- Правильным полеводством, - ответил тот и спросил, - ты что-нибудь, о полеводе Мальцеве Терентии Семёновиче знаешь?

- Слышал, с ним вроде Хрущёв встречался.

– Он применяет безотвальную вспашку земли, и борьбу с сорняками, - сказал Алексей, - и урожай у него всегда, почти в два раза выше, чем у соседей в нашей же, Курганской области. Потому в августе прошлого года в его селе «Мальцево» прошло Всесоюзное совещание по сельскому хозяйству. Он ещё в сорок шестом году получил Сталинскую премию. Помолчал и добавил: - Проверять готовность поля к посеву, несколько дней ходит по полю босиком.

Рева помнил, как Лёшка заявил, что после армии поедет к этому Мальцеву, так как Шадринский район находится рядом. И ещё вспомнил, как до привала, после восемнадцатого километра, он заспорил с Лёшкой об агрогородах. О них Хрущёв говорил, как о будущем сельского хозяйства. Лёшка уверял, что это всё ерунда и никогда не сбудется. А он утверждал, что это вполне осуществимо. Спор ни к чему не привёл. Каждый остался при своём мнении. И тут Лёшка говорит:

– Представь, надоила хозяйка полтора ведра молока и поднимается с вёдрами на пятый этаж, а потом, с вёдрами корма для свиней, спускается вниз...,- он ухмыльнулся. После этих слов спорить было бесполезно. Дальше шли молча. Ноги - ватные, идут автоматически, он как бы не чувствовал их. Пот уже струйками стекал за ушами. А рукав мокрый от вытирания лба, так как пот лез в глаза.

На привале, после восемнадцатого километра, сбросив всю амуницию, упали на траву поляны и казалось, что больше не подняться. Лёшка полежал минут пять, сел и снял сапоги, разложив потные портянки на солнце. Рева тогда подумал: «Вот крестьянская смекалка» - и последовал его примеру. Лёшка, жмурясь от солнца, самодовольно улыбнулся:

– Усёк? Им последовали и другие. Ещё раньше он посоветовал, чтобы пили: по чуть-чуть. Чем дальше, тем сильней захочется пить.

Но были такие, кто уже осушили свои фляжки. Силков из третьего взвода начал было вскрывать пакет НЗ, но взводный заметил и заставил положить его обратно в вещь-мешок.

После привала шли по другой дороге, и, казалось, по более трудной. Разговоров уже не было. Но в конце, когда поняли, что идём назад, в расположение полка – прибодрились. В казарму пришли около 16 часов, лейтенант, командир взвода, тоже раскрасневшийся, сказал, что с привалом прошло около восьми часов. Все увалились на кровати, и почти всем не хотелось вставать, когда подали команду на обед.

Солнце было в зените. Тень от берёзы, под которой он сидит, появилась с левой стороны, по направлению к катеру, и совсем короткая. Увидел Виктора, который, подходя, произнёс:

– Может через полчаса наладят. Пойдём, поедем. Рева взял куртку, а Виктор поднял рюкзак и пошли. Он был в рубашке, расстёгнутой на несколько пуговиц, ворчал: - Ну, паразитство! Сколько раз ездили на рыбалку – всё замечательно. А тут, как назло!

Обедали в кухне на небольшом столике. Мария Александровна нажарила картошки, поставила малосольные огурчики и помидоры. Рева ел с большим удовольствием, потому, что почти три года такое блюдо не ел. Бабушка кормила, когда он приехал, просто свежей, молодой картошкой.

А помидоры продолжали поражать своим вкусом. Мария Александровна заварила чай, спросила, с чем они будут его пить с сахаром или вареньем? Остановились на сахаре, она поставила тарелочки с двумя булочками. И сказала, глядя на Виктора:

– Завтра, в воскресенье куплю медку, Витя любит. Правда, он у нас долго не держится. Тот, взглянул на Реву, улыбнулся и мотнул головой. Рева тоже улыбнулся, вспомнив, как однажды в Ольжерасе, пили чай с мёдом. Потом, зная, что он его любит, предложил: - Поешь. Он взял

столовую ложку и доел его, больше половины пол литровой банки.

Вернулись к реке. Виктор направился на катер, а он на своё «насиженное» место у берёзы. пейзаж не изменился. Вновь, вдали проехала машина, поднимая пыль. Река намного темнее неба, довольно быстро несла свои воды, поблёскивая в волнах.

Со стороны города, на том берегу реки, за прибрежными кустами, появилась группа мальчишек. Очевидно, шли купаться к реке, но не спешили, а затеяли борьбу. Двое боролись остальные стояли полукругом. Борцы упали, а когда поднялись, к более высокому подошел другой. Борьба началась снова. Тот, что повыше победил, и они скрылись за кустами. «Как - ни как, физкультура» - заключил Рева.

К катеру прошёл Валерий, приветствуя Реву, поднятой рукой. И он махнул ему. Посмотрел в сторону, где были мальчишки, и всплыло слово «физкультура». Которое напомнило, как в начале пятидесят пятого года, когда министром обороны стал Жуков, где-то, через месяц, командир взвода лейтенант Пашутин рассказал, как тот заставил каждое утро проводить физзарядку в министерстве обороны. И как там пыхтят генералы. В это время Хрущёв начал сокращать армию. Пошёл слух, что Жуков решил сократить замполитов рот. Строевые офицеры вроде радовались этому. А страсть Жукова к физкультуре и спорту сохранилась. В армии стали чаще проводить различные спортивные соревнования. В начале этого года Жуков побывал с визитом в Индии и привёз оттуда одно новшество, которое стали проводить во всех частях. В июне в «Гроховецких лагерях», где находилось много частей, провели такие соревнования. Каждая выставляла команду. Сначала части у себя провели такие соревнования, а потом выставили сборные. В каждой команде на старте семь солдат держат на плечах семиметровое бревно. По выстрелу стартового пистолета, команды с бревном бегут сто метров. Кто пробежал, ставят бревно вертикально, держат и по

одному друг за другом забираются на этот бревно. Когда, последний солдат спустится, берут бревно на плечи и бегут назад, к старту. Чья команда первая прибежит, та и победила. Офицеры, по-разному, относились к таким соревнованиям, но ведь в армии не рассуждают, а выполняют приказы. Самому не пришлось участвовать в таких соревнованиях: выбирали рослых солдат и одного роста.

Со стороны катера послышались какие-то звуки, но тут же стихли. Рева встал, всё-таки сидеть столько времени надоедает. Тень от берёзы ещё сдвинулась в сторону реки. Часы показывали: половину третьего. Он посмотрел в сторону домов. Было видно четыре дома, остальные заслоняли ближние деревья. Два первых - обычные бревенчатые, как у Виктора, с шиферными крышами. А третий - большой кирпичный, под железной крышей, красного цвета. Местность поднималась в сторону следующей улицы и, между домами виднелись участки огородов. Вот за этим большим домом, на открытом месте стояла железная печь. Он сел на своё место с мыслью: «Наверно, для сжигания мусора», - но, взглянув на реку, пришла другая мысль, - «скорей всего для копчения рыбы» - и решил спросить об этом Виктора. Вдруг эта печь, всколыхнула в памяти опасный случай, который потом вызывал много шуток, да и сам он шутил над собой. Приехал в линейную часть, после учебного полка, младшим сержантом, и его назначили командиром эксплуатационного танка. Таких в роте было три, на них проводились все тренировки роты: вождение и различного рода стрельбы. В экипаже было четыре человека. Кроме механика и наводчика добавляли заряжающего. У остальных экипажей танки стояли на консервации в боксах, укрытые брезентом. А такой танк приходилось заправлять, чтобы ехать на полигон двадцать пять километров. Там проходили тренировки всех рот полка, которые привозили и увозили на машинах, а эти три экипажа ночевали в заваливающейся избушке. И только, когда все занятия заканчивались, ехали назад и

чистили танк почти неделю. А через неделю или две – новый выезд...

Мысль прервалась, на катере что-то взвизгнуло, но тут же замолкло. Он посмотрел на часы: было десять минут четвёртого. Через пару минут на катере показался Валерий, за ним Виктор и тот, плечистый, что подошёл последним.

Судя по тому, что они несли с собой свои пожитки, а Виктор, заброшенную на плечо куртку, - Рева решил, что на сегодняшний день приключения закончились. Он уже решил не высказывать Виктору ни малейших упреков, понимая, что ему и так тошно. И ведь это не его вина. Он хотел сделать всё лучшим образом.

Первым подошёл Валерий и бросил свой рюкзак, рядом с берёзой.

- Всё, движок крикнул окончательно, - подвёл он итог. Рева встал. Виктор, подошёл, и, покачивая головой из стороны в сторону, проговорил:

- Больше полдня потеряли! - потом повернулся к Валерию, - ну, что тянуть иди к Петру, он не должен отказать. Тот пошёл к дороге, а Виктор вслед крикнул, чтобы не забыл попросить ключ от замка. Посмотрел на Реву, ухмыльнулся и сказал:

- Поедем на лодке. Нельзя такой день упускать. Видно было, что о катере ему не хотелось говорить. Третий, молодой мужчина, широколицый, черноволосый, чуть с узковатыми глазами, но аккуратным носом и ртом, положил, с некоторым скрежетом, большой мешок рядом с Валеркиным рюкзаком и сказал:

- Зря, Виктор Иванович, послал Валерку к Петру, у него движок хреновый. Я недели две назад помогал ему чинить. Лучше у Ивана Самохватова попросить. У него - надёжный. На это Виктор сказал:

- Посмотрим. Если что, ты Саня пойдёшь к Ивану. Тот Валерке может не дать, он его за его прибаутки недолюбливает. Рева понял, что приключение продолжается и снова есть некоторое опасение. В это

время подошёл рыжий парень. Спросил о Валерии, ему пояснили.

Все уселись на траву, лицом к реке. По ней, вниз по течению, одна за другой промчались моторные лодки, словно специально дразня в данной ситуации. Ни кто не сказал ни слова, но каждый понял, что это нормальные люди возвращаются с рыбалки. Валерий не появлялся. Виктор, раз за разом, приглаживая волосы на голове, проворчал:

– Ну, что он так долго?

– Пади, дома нет Петра, - предположил Саня. Минут через десять он, наконец, пришёл, неся движок на правом плече. Все поднялись.

– Что долго? Он, что упирался? – спросил Виктор.

– Нет. Он у свояка был на соседней улице, ответил Валерий, подходя к ближней крайней лодке. Тут он встрепенулся и взглянул на рыжего:

– Паня, забирай железяку, я у тебя не хочу хлеб отнимать, и передал движок ему. Тот положил его в лодку и перешагнул через борт. Саня попросил ключ. Валерий достал его из кармана и кинул. Саня поймал его за длинную верёвочку. Виктор сказал ему, чтобы пока не отцеплял лодку, добавил:

– Пускай установит движок и попробует завести. Погрузиться успеем. Тот прошёл до кормы и стал устанавливать. Рева взглянул на часы – обе стрелки перешли через четвёрку. Паня ещё несколько мину кряхтел, потом с сияющей физиономией обернулся, и крикнул: - Где, пускач?

Валерий шагнул в лодку и бросил ему длинный ремешок. Паня стал наматывать его на диск. Рева спросил Виктора, как полное имя его. Виктор, сосредоточено наблюдая за тем, сказал:

– Панкрат Кротов. В это время тот дёрнул ремешок, и движок затарахтел. Его, освещённая солнцем физиономия, расплылась в улыбке. Лодка, упёртая в берег слегка дёргалась. Виктор, на правах старшего - стал командовать.

Рева сказал сесть на носовое сидение. Он надел куртку, взял рюкзак и, отдав по пути куртку Виктора, уселся в лодке. Все взяли свои пожитки, но вдруг Виктор сказал:

– Паня, заглуши двигатель и заведи снова. Тот нагнулся и двигатель заглох. Рева видел, как крутится его рука, наматывая ремешок. Он дёргает его, движок чихнул, но не завёлся. Тот повторил операцию – результат такой же. Раздался голос Сани:

– Бензин-то там хоть есть?

– Есть, - ответил Валерий, - я проверял. Саня шагнул в лодку.

– Дай я попробую.

Они поменялись местами. Три раза попытался Саня, но движок даже перестал чихать. Оба вышли из лодки, а Саня заявил:

– Я же говорил.

Виктор сказал Пани, чтобы снимал движок. Рева, не дожидаясь команды, взял рюкзак и направился на своё место. Он не торопился усаживаться. Ему казалось, что на этом канительная эпопея закончится, но услышал голос Виктора:

– Саня, иди к Ивану.

Рева уселся на своё место. Виктор спросил:

– Который час?

Рева взглянул на часы и ответил:

– Без семи пять. Виктор провел рукой по затылку, шеи и, резко махнув рукой, сказал:

– Всем чертям назло, поедем с ночевой!

Движок был снят, Валерий, взваливая его на плечо, не мог оставить Паню без упрёка, сказав, что у него рука невезучая. Состроив на это изумлённую гримасу, Паня выдал:

– Ты, чо?

Но, обидчик не оглянулся, унося свою злополучную ношу.

Виктор с Панкратом сели рядом на траву, последний спросил Виктора, далеко ли хотел ехать на катере. – До второго большого поворота, – ответил он, – решил другу показать красоты Иртыша.

– Да, – протянул Паня, – там шибко красиво.

Услышав разговор о красоте, Рева, невольно вспомнил свою Ольжерасскую любовь – Элю. И всю невероятную историю, когда она оказалась сводной сестрой. Конечно, она окончила школу, а теперь наверно пойдёт на третий курс института. Скорее, всего – медицинского, по стопам матери. Подумал не зря ли порвал адрес? Улица Вахрушева дом...? Нет, наверно, не зря. Узнай о ней случайно мать – было бы неприятно. Мысли перешли на дом. Матери два года до пенсии, бабушке семьдесят семь – в своём доме – дрова, уголь, вода. А в городе шахты нет, где работать? Как в анекдоте: «Думай, Федя, думай...».

По реке вновь пронеслись к городу две моторные лодки, правда, с большим перерывом. Тень от берёзы дотянулась до крайней ближней лодки. Виктор снова спросил, который час. Рева ответил:

– Почти полшестого.

В этот момент явился Валерий и схода спросил: «Что, громадяне, путешествие в страну Чудес, отменяется? – И тут же, – «Ба! Саня что-то интересное несёт!». Все поднялись. Тот, с движком на плече, прошёл до средней лодки и передал его, подошедшему, Панкрату. Валерий съязвил:

– Саня, а ты его нигде не спёр?

– Как был болобоном, так и остался, – отрезал тот и обратился к Виктору, объясняя, почему долго:

– Иван на свадьбе гуляет. Хорошо недалеко. Я его еле уговорил домой пройти.

Панкрат начал устанавливать движок, Саня принёс свой большой мешок и, с каким-то звяканьем, положил в лодку, потом открыл замок и швартовую цепь положил вдоль борта лодки. Виктор сказал:

– Рева садись в лодку, а мы давайте сдвинем её, но не совсем, чтобы Саня потом один мог толкнуть. Рева снова сел на нос лодки и затолкал рюкзак под сидение. Валерий разложил свои и Панкрата вещи по лодке и вышел на берег. Втроём они сдвинули лодку метра на полтора, но она ещё цеплялась за дно.

– Но, ты что там возишься? – прокричал Валерий.

– Сейчас, - отозвался Панкрат, наматывая ремешок. Он приподнялся и дёрнул ремешок – движок не завёлся. Он проделал это несколько раз, безрезультатно. Ринулся к движку Валерий – дёрнул – результата нет. Саня:

– Слабоки! Дёргать резче надо, - и сменил Валерия. Его попытки тоже не увенчались успехом. Панкрат, произнёс:

– Може, у него секрет какой, или ещё чо?

Виктор обратился к Сане:

– Иди, уговори прийти Ивана.

– Упрётся, поди, - произнёс он, но пошёл.

Рева обернулся, посмотрел тому вслед, тот шёл спокойным размеренным шагом. Все молчали. Солнце правее дома Виктора, висело над крышами дальних домов. Рева посмотрел на часы, было двенадцать минут седьмого. «Да, как Виктору сейчас неприятно, - подумал он, - а если ещё и сейчас не удастся выехать – это вообще...», - он не нашёл подходящего слова. У него самого, несмотря, что ожидание длится почти полсуток, какой-то обиды нет. Даже все эти сумасшедшие приготовления, для него были новы и вызывали интерес. Он никогда не знал, что эти лодочные моторы заводятся ремешком.

Виктор и Валера закурили. И он сделал вывод, что Виктор действительно стал меньше курить. А сейчас, очевидно, обстановка достала. Тут он увидел, что Саня ведёт под руку шатающегося мужика: в белой рубаше и чёрных брюках. Когда подошли ближе, Рева увидел, что брюки со стрелками, штiblеты блестят, но замазаны. У лодки не поднимая головы, ни на кого не глядя, вырывает руку у Сани, произносит одно слово: - Мудаки! – шагает через борт. Чуть

не падает, балансируя, и вдруг прямёхенько, не запинаясь, проходит к корме. Наматывает ремешок, рука делает резкий рывок, движок взвывает, дёргая лодку, он падает на сидение, одно мгновение и лодка задом отрывается от берега. Солнце освещает его совершенно пьяную физиономию, почти с закрытыми глазами.

Лодка резко бросается вперед и Рева чуть не съезжает с сидения. И вот она идёт по дуге, выходя на середину реки. Рева видит, как вниз по течению приближается двухпалубный пассажирский теплоход. Лодка вот, вот выйдет прямо на его курс. Хозяин лодки закладывает ещё разворот, и лодка идёт навстречу теплоходу в стороне, метрах в десяти. Рева уже не любит красотой белоснежного корабля, освещённого солнцем. Лодку болтануло от носовой волны, а когда он прошёл, волна от корабля так качнула лодку, что она черпнула воду правым бортом, а потом, опрокинулась, на другой бок, и тоже зачерпнула бортом. «Всё, погибну на Иртыше, как Ермак, - мелькнуло у него в голове, - ужас, что будет дома». – Потом, - «Ведь надо направлять лодку поперёк волн», - вспомнил, что где-то читал об этом. Лодку продолжало болтать, но воду перестала черпать. Прошла, наверное, минута рядом с кораблём, а ему казалось, что это тянется так долго. Наконец, лодка сделала ещё разворот и направилась к берегу. Солнце скрылось за домами. Лодка уткнулась в берег. Иван оставил двигатель работающим на малых оборотах, так же, не качаясь, прошёл по лодке, встал на борт и прыгнул на сухое место. Саня и Виктор прокричали ему «спасибо», а он опять не глядя ни на кого, махнул в ответ рукой, и, пошатываясь, пошёл домой.

Быстро расселись по местам. Панкрат, как моторист сел у движка и с таким же разворотом вывел лодку на середину реки. Солнце село, приближались сумерки. При всеобщем молчании Валерий произнёс:

– Вот Иван дал по мозгам! Но разговора не завязалось. Только Панкрат задал вопрос:

– До куда едем?

– Пока можно ехать, - ответил Виктор. Сумерки быстро сгущались. Этому способствовали высокие деревья, росшие по обоим берегам реки. Вскоре стало совсем темно. Рева, сидя на носу лодки, развернулся, вглядываясь во тьму. Небо и вода реки слились, были не различимы и только деревья стояли более тёмными стенами с двух сторон. Луны не было, да и звёзд Рева не видел, а может просо не приглядывался к ним, глядя просто вперёд. Через некоторое время, ему показалось, что впереди образовалась какая-то более тёмная точка. Он заметил, что она чуть увеличилась, и он сказал:

– По-моему, впереди что-то плывёт, надо уйти вправо. Лодка отошла метров на пять в сторону и через какую-то минуту, мимо проплыло огромное дерево, корень которого высился метра на два. Рева сказал:

– Если бы плыло бревно, мы все бы сейчас плавали, вернее вы, а я бы утюгом вниз. А ещё подумал: «Если бы сказал свернуть влево, налетели бы на ствол дерева...». В это время Виктор предложил:

– Давай, Паня, куда-нибудь причаливать.

Лодка сбавила ход и стала медленно подходить к правому, по ходу, берегу. Рева, уже вблизи, различил небольшую возвышенность, к которой и причалили. Оказалась полянкой шириной метра четыре, длиной чуть больше. Вблизи едва различимый вырисовывался высокий берег в несколько метров, а перед ним полянку окружали заросли тальника. Полянка над водой возвышалась меньше метра. Выгрузились. Панкрат подвёл лодку к зарослям и обмотал швартовочную цепь за несколько толстых прутьев тальника. Саня из своего мешка достал большую скатерть и расстелил на траве. Все, расположившись по кругу стали доставать свои припасы, в основном хлеб и колбасу. Рева достал три банки консервов, перочинный нож, и предложил:

– Кто специалист по открыванию «Бычков»?

– О, «Бычки в томате» - это хорошая штука, - сказал Валерий и взял у него нож. Он быстро справился с открыванием. Странно, была вроде полная темнота, но ободки консервных банок, ложки и большой нож Сани, которым он нарезал хлеб и колбасу, поблёскивали. Разобрали ложки, чтобы есть консервы. Валерий - спросил:

– Ещё у кого есть водочка?

– Есть, есть, - ответил Виктор.

– Тогда мою давайте разольём, за знакомство и за следующую удачу, - сказал, сбивая ножом сургуч, и ловко лезвием выдернул пробку. Достали кружки. Разливая, Валерий приговаривал:

– Как бы кому «ух, ты» не сделать в темноте. Впрочем, Пане, как кержаку, можно не наливать. У них же запрет на это дело.

– У меня уже дед оскоромился, когда на фронте служил, - ответил тот.

– Да, я пошутил, Паня. Ну, ушли! За знакомство и удачу, - повторил он.

Все чокнулись кружками и выпили. После выпитой водки «Бычки» оказались кстати. Это подтвердил и говорливый Валерий и, даже, молчаливый Саня. А Виктор повторил своё мнение, что позорно есть рыбные консервы на рыбалке, но оправдал тем, что дело ещё не дошло до неё. Хотя ел, вроде, с удовольствием. Неожиданно Панкрат произнёс:

– Как говорят, – «деньга к деньге», - пуцый будет, – «рыба к рыбе».

– Это у вас кержаков - куркулей – деньга к деньге, а у меня ни хрена, - заявил Валерий.

– Так у тебя деньги нет, - заметил Панкрат. Все посмеялись.

– Точно, - согласился Валерий, - ни черта не держатся. Уплывают, как сквозь пальцы.

Саня усмехнулся.

Перешли на колбасу. Поев, появились разговоры, что на этом необитаемом острове костёр не разожжёшь, и чай не сварить.

— А я из Иртыша пью, — заявил Панкрат, улёгся на край поляны и зачерпнул кружкой из реки. Поднявшись, попил. В сумраке ночи разглядеть его физиономию было не возможно, но чувствовалось, что он пил с удовольствием. Валера сделал вывод, что до Усть-Каменогорска километров двести пятьдесят и вся их зараза съедена рыбами, тоже улёгся, и зачерпнул воды.

Рева, оценив такое «научно-мудрое» заключение, попросил плеснуть в его кружку. Вода оказалась прохладной и вкусной. Попили и остальные. Сложили, всё в вещмешки, и улеглись спать. Хотя, Рева понимал, что здесь август, ещё середина лета, ему было свежо. Свернулся «калачиком», но уснуть не мог. Он впервые ночевал под открытым небом. Однажды в детстве, лет четырнадцати, ночевали с дружкой под стогом. Тот сказал надо все входы стажёров хорошо законопатить, а он побоялся задохнуться и продрог под утро. Потом стал вспоминать, где как рыбачил. Однажды мать во время войны принесла две удочки, он накопал червей и пошли с ней, в будний день, на пруд городского парка. Он срезал два удилица, и ловили, прямо с мостка у вышки для прыганья в воду, но людей не было. Мать поймала трёх карасей, а он двух, зато, самый большой — сорвался у него. Почему-то больше не рыбачили. И вспомнить ещё, что-нибудь о рыбалке не мог.... Задремал.

Проснулся. Светила луна и забрезжил рассвет. Продрог. Первое, что увидел: за кустами тальника отвесный берег высотой метра четыре, над которым виднелись макушки деревьев. Он поднялся, помахал руками, разогреваясь. Посмотрел на спящих, позавидовал им, что они так спокойно спят, решил порыбачить обычным способом. Он срезал перочинным ножом тонкий, но довольно длинный прут тальника, очистил от веток, и намотал на конец, большую часть, длиной лески, закрепив концом. С куска ветки, сделал

поплавок и закрепил его. В рюкзаке отщипнул кусочек хлеба, размял его в руках, поплевал на него, налепил на крючок и забросил в омут, недалеко от лодки. Постоял, потом сел. Молитвенно думал: «Хотя бы, какая дурная рыбка клюнула, вот бы здорово было». Но, дурных рыбёшек не оказалось. А через полчаса рассвело, хотя солнце ещё не встало. Он посмотрел на часы: было шесть часов семнадцать минут, почти сорок пять минут, как он поднялся. Сзади раздался голос:

– Ба! Рыбалка идёт во - всю! Конечно, это был голос Валерия. Все проснулись.

– Ключёт? – спросил он с ехидством, как показалось Реве.

– Нет. Наживка – хлеб, наверно плохая приманка, хотя я слышал, что тестом рыбу прикармливают, - рассудил Рева, поднимаясь. Виктор с улыбкой посоветовал ему сматывать удочку, а всем грузиться и добавил, что перекусывать будем на месте.

Расселись по местам. У Ревы появилось сомнение: «Заведётся ли двигатель?» Но он завёлся с первого оборота, Панкрат вывел лодку на середину реки и разогнал её так, что деревья и кусты по берегам, просто замелькали. Даль тонула в предрассветном голубоватом тумане. Луна скрылась за деревьями. Через несколько минут меж деревьями, по левому борту, стали пробиваться лучи солнца. Словно большие и маленькие прожектора светили пучками света, создавая чудный калейдоскоп на зарослях противоположного берега. А ещё через пару минут, макушки деревьев на правом берегу закружились яркой зеленью. При поворотах реки, то на одном, то на другом берегу возникали отвесные обрывы, а на одном Рева увидел, на самом краю, наклонённое дерево, которое вероятно скоро упадёт.

Двигатель, надсадно завывал, и потому, разговоров не было.

Глядя на всю эту красоту, Рева сделал вывод: «Даже, если мы не поймем ни единой рыбёшки, он будет рад этой поездке и будет вспоминать, что всё это видел».

Он посмотрел на часы – ехали уже, около, сорока минут. Вдали, с правой стороны, белели, ярко освещённые солнцем, стволы берёз. Когда приблизились к этому месту, он заметил, как на значительном протяжении река у этого берега, словно кипит, отражая множество солнечных зайчиков. Двигатель стал уменьшать обороты. Виктор протянул руку в сторону берёз, и Панкрат повёл лодку в небольшую лагуну, где она и уткнулась в отмель. Стали выгружаться. Рева первым ступил на галечную россыпь и вытащил рюкзак. Панкрат опрокинул движок, так, что гребной винт повис в воздухе. Когда все вышли из лодки, дружно подтянули её на берег.

Прибрежная часть рощи была из молодых берёзок и средней величины, и только в глубине виднелись более могучие стволы. Всё пронизывало солнце, и гладкие стволы просто блестели в ярких лучах, а в глубине, куда лучи солнца пробивались местами, был таинственный полумрак. В нескольких метрах от начала рощи Саня расстелил свою скатерть «самобранку». Все разложили свои пожитки. Виктор сказал:

– Я думаю: вскипятим чайку и перекусим. Все собираем хворост. А ты, Валера, в ивняке срежь четыре удилица, у Ревы есть, и крючок для него.

В глубине, где росли старые деревья, были даже упавшие.

Собирая хворост Рева, попросил друга рассказать о компаньонах. Он сказал, что Саня – слесарь в мехцехе, Валерий – электромеханик, по обслуживанию сетей, а Панкрат – шофёр и иногда механик на катере.

Хворосту набрали много, так как решили, чтобы потом, для варки ухи, не собирать снова. Когда Рева в третий раз принёс пучок сухих веток, Саня вытащил из своего мешка раздвижную металлическую треногу. Из трубок, как у шпингалета выдвинул три стержня и расставил их. Вверху был крючок. Саня достал из своего мешка чайник и отравился к реке, а Виктор с Панкратом стали ломать ветки.

Рева присоединился к этому процессу и подумал: «Да, всё у них на катере продуманно». Рядом с мешком лежали выгащенные миски и котёл. Саня вернулся и подвесил чайник. Виктор разорвал бересту на несколько клочков, подсунул под хворост и поджог зажигалкой. Пламя быстро обхватило хворост. Стали раскладывать припасы, достали кружки.

Солнце поднялось над лесом. Рева обратился к Виктору:

– А когда лучше ловить рыбу?

– Сейчас целый день ловится, - ответил он и добавил, - ещё вода прохладная.

Рева не понял при чём тут прохладная вода, но спросить постеснялся. Пришёл Валерий с четырьмя не очень длинными удилищами и с каким-то белым прутиком. Посмотрев на костёр с чайником, произнёс: «Всё на мази». И пошёл к лодке. Саня взялся за пробку, вставленную в душку крышки, приподнял её, заглянул в чайник и отложил в сторону. Взял пачку чая, высыпал в него, наверно с полпачки.

– Чай сейчас будет готов, - сказал он, снимая чайник с крючка, через полотенце, и добавил, - прошу к завтраку, закоренелые рыболовы.

Ели хлеб с колбасой и свежие помидоры, которые Панкрат выложил из двухлитровой стеклянной банки. На что Валерий, сразу среагировал:

– Я ж тоже хотел взять их, но, думаю, – подавлю. А у куркулей всё продумано. Во! Народ.

Виктор заметил:

– При чём тут куркули? Соображать надо.

Рева съел один из помидоров и решил, что здесь край помидоровый, все вкусные. Приступили к чаепитию. Саня помешал в чайнике столовой ложкой и стал разливать по кружкам. Кто-то выложил куски сахара, а Рева развернул свой фунтик с ирисками. На них сразу, среагировал, только Валерий: - О! Культурная рыбалка! Рева, у тебя, случайно, торта в рюкзаке нет?

– Он у меня в банку не вошёл, - отшутился он. Раздавив во рту две ириски, он прикрывал ими язык, прихлёбывая горячий чай. Виктор, положил несколько кусков сахара и помешал в кружке большой ложкой, пояснил:

– Не такой горячий будет.

– А я люблю пить по старинке – вприкуску, - сказал Панкрат, покрасневшийся, толи от чая, толи так его освещало солнце. Саня заявил:

– Я чай вообще пью без сахара, он вкус портит.

Прихлёбывая чай, Валерий скосил на него глаза:

– Ты говорил, сколько у тебя казахской крови – четвертинка? Ты, наверно, пьёшь его с солью и молоком или курдючным салом. Бьюсь об заклад, что в тебе течёт хоть одна капля крови Чингиз-хана!

– Трепло. Просто без сахара, и без твоих придумок, - спокойно произнёс Саня.

Закончив чаепитие, сложили съестное по рюкзакам и все направились к лодке, расселись по сиденьям, налаживать удочки. Рева сел на своё место, подал Виктору намотанную на картонку леску. Тот сел на сидение напротив, и взял удочку Ревы, разломал сделанный им поплавок и затянул на леске узелок, чтобы не развязывать леску. Рева спросил: - Так, на какой - «Махан», будем рыбу ловить? Виктор усмехнулся:

– Снимай полуботинок.

– Зачем?

– Снимай, снимай, - настоял друг. Рева снял, он попросил перочинный нож. Получив его, он взял полуботинок за язычок и спросил:

– Не жалко?

– Нет, - ответил он. Виктор положил его на борт и отрезал узкую полоску. Отдал башмак, а из полоски вырезал две кругленькие кожанки, диаметром миллиметра два. Взял крючок удочки, надел на него кожанку, и сказал:

– Вот тебе, «Махан», на всю рыбалку. Второе изделие насадил на крючок своей удочки и стал привязывать леску к

удилищу. Привязав, нагнулся, поднял тонкий очищенный от коры прут, с крючком на конце, подал ему:

– На него будешь улов нанизывать. А сам стал разуваться. Это Реву удивило, он уже хотел спросить, зачем? Но увидел, что все остальные делают то же самое.

– Снимай второй, снимай носки, – сказал Виктор, закатывая брюки. Выполнив указание друга, он встал, снял куртку, как все и, следом за Виктором, перешагнул через борт на гальку у воды. Некоторые вышли прямо в воду. С непривычки идти было не комфортно, хотя галечник был не колючим. Прошли по воде метров двадцать и вытянулись в цепочку, метра четыре друг от друга. Вода была чуть выше щиколоток и для Ревы была прохладной. Солнце поднялось и начало пригревать – на часах было без пятнадцати девять. Как и все забросил грузило с крючком в воду. Грузило упало на дно, крючок с кожанкой вода стала мотать из стороны в сторону. Вода была прозрачной. Не видя ни одной рыбки, Рева сказал Виктору:

– Что-то ни одной рыбки не видно. Тот ответил:

– Пока ноги вода не прополощет, они не подойдут.

«Когда прополощет? – мелькнула мысль, – ногам прохладно». Он увидел, как Панкрат вытащил рыбёшку и ловит её на леске. Посмотрел на своё грузило и увидел, что вместо кожанки мотается рыбка. Он поднял леску, рыбка, поблёскивая на солнце, затрепыхалась в воздухе. Она была серебристая, сантиметров десять в длину. Рева стал аккуратно снимать её с крючка. В этот момент Виктор тоже снял рыбку с крючка, достал что-то из кармана и стал трясти. Оказалась сеткой с мелкими ячейками. Раскрыв, бросил туда рыбёшку и, опустив её в воду, прижал ногой. Рева вопросительно посмотрел на друга. Тот сказал:

– Просунь прутик под жабры в рот, опусти до крючка, положи в воду и прижми его ногой. На весь улов хватит.

Пока он проделал эту операцию, на крючке оказалась ещё одна. Все начали вытаскивать одну, за одной. У него на прутике было уже четыре рыбёшки. Удивляло Реву то, что

около его грузила, одна рыбка хватала приманку, а несколько тёмных спинок стояли рядом, словно в очередь на крючок. Такое он никогда не видел, и думал, что вряд ли поверят, когда будет рассказывать.

День был чудесный, солнце приятно грело, рыбка ловилась, настроение было чудесное, а ноги начинали неприятно ныть, от прохладной воды. Поймав двадцатую рыбёшку, он вдруг вспомнил, что в лодке, у кормы, где он сидел, лежат резиновые сапоги. Взяв прут с уловом, направился к лодке. Перешагнув через борт, уселся на скамью и стал растирать ноги. Когда они обсохли, он надел сапоги и, с радостным чувством, ступил в воду. Когда он встал на своё место, положив улов в воду, Виктор сделал несколько шагов в сторону. Рева стал вглядываться в воду, где трепыхалась приманка – ни одной рыбки рядом. «Конечно, надо чтобы сапоги обмыло водой» - сделал он логическое заключение и продолжал терпеливо ждать. Очевидно, Виктору стало неудобно молчанием испытывать терпение друга, и он сказал:

– Рева, сапоги не только бензином воняют, но и самой резиной.

Покивав, в знак согласия головой, он побрёл к лодке. Сбросив сапоги, вернулся на прежнее место.

Вся компания продолжала вытаскивать рыбёшки, у него, около грузила, даже ни одного малька. Понимая в чём дело, в смысле ног, он посмотрел вдаль. По левому, от него, крутому берегу тянулся густой лес. Это, в основном большие лиственные деревья. А вот дальше он становился темнее, походил на какой-то бор, уходящий в голубизну дальнего поворота реки. По другому берегу, за берёзовой рощей, тоже начинался лиственный лес. Он спросил Виктора:

– А что за лес там дальше темнеет?

Тот ответил, что там большой сосновый бор. Так как клёв не наступал, он решил утолять любопытство:

– Слушай, а вон большие деревья, что-то на осины они не похожи.

Виктор, снимая с крючка очередную рыбку, ответил, что это, скорее всего вязы. Пояснил:

– Оляха поменьше, а осины, может, есть – не знаю.

Спросил ещё: – А как называются рыбки, которых мы ловим?

– Чебак иногда Сорога, а в Сибири, по-моему их называют Плотвой, - ответил Виктор.

В это момент он увидел, что попалась его двадцать первая рыбка и клёв начался. Рыбки ловились одна, за одной, настроение поднялось, хотя вода, казалась по-прежнему - прохладной.

Он вспоминал совместное с Виктором житьё, когда работали на шахте. С ним можно было разговаривать на любые темы, с полной уверенностью, что разговор не получит огласки, если был об этом договор, и даже без него. Иногда давал советы, если он об этом просил, учитывая его жизненный опыт. Веселил, а иногда выручал в сложных ситуациях его юмор. Бывало, возникла сложная ситуация, а он представит её так, что она вызывает улыбки, и уже не кажется такой сложной.

Поглядывая на других, он видел, как раздулись их сетки от пойманной рыбы. Он продолжал считать свой улов, просто потому, что такого в его жизни никогда не было. Солнце было уже высоко и светило прямо над рекой, и каждая, даже мелкая волна, бросала его отблески. Поймав тридцать четвёртую рыбёшку, он услышал, как Виктор с Саней и Валерием советовались о завершении рыбалки и приняли решение заканчивать. Все направились к месту костра. По пути бросили удочки на лодку. Чуть в стороне от костра, положили сетки с уловом, потом по очереди попили из чайника. Рева положил свой увесистый улов, около сетки Виктора. На часах было половина двенадцатого, и Рева прикинул, что рыбалка продолжалась два с половиной часа.

Две моторные лодки пронеслись вверх по течению.

Все вернулись к своим уловам, высыпали рыбу на траву и стали сортировать. Самые мелкие рыбки в одну кучку, чуть

по - больше на другую. То, как четверо мужчин, стоя на коленях, чуть нагибаются за рыбкой и, чуть приподнимаются, бросая её, со стороны походило, на какой-то молитвенный ритуал. Рева, поглядывая на них, по собственной инициативе, ломал ветки хвороста, подготавливая их к костру. В конце сортировки, они набросали третью кучу из больших рыб, остальное разложили по своим сеткам. Саня взял котёл принёс в нём воды и повесил на крючок треноги. Все выложили из своих рюкзаков картошку, лук, а Саня ещё и одну большую морковь. Панкрат принёс воды в двух мисках и трое уселись чистить и потрошить рыбу. Виктор стал разводить костёр, а Рева вызвался чистить картошку. Когда огонь разгорелся, Виктор принёс пол миски воды и поставил перед Ревой, для очищенной картошки. Довольно быстро, Рева ещё продолжал свою работу, Саня принёс в миске очищенную мелкую рыбу и высыпал в котёл. Виктор сказал:

– Сегодня будет настоящая тройная уха. Ты когда-нибудь, такую ел?

– Нет. Я вообще ни разу не ел уху в лесу, - сознался Рева.

Он, конечно, слышал об этом, но когда, через какое-то время, Саня стал половником с дырочками вынимать сваренную рыбу и выбрасывать на траву – это показалось ему странным. Не меньше удивило, когда Саня и со второй порцией проделал, то же самое. И, наконец, когда загрузил третью порцию рыбы, высыпал в котёл все нарезанные овощи.

Рева пошёл помыть руки в реке и потом обуться. Рядом Панкрат мыл все эмалированные глубокие миски. Обувшись, Рева оставил куртку на носу лодки, предполагая плыть обратно на этом месте. Виктор, прежде чем обуться, попросил нож и отрезал лески от удилищ. Рева догадался: достал из кармана картонки и стал их наматывать. Обувшись, Виктор сказал :

– Кажись, всё на мази. Сейчас пообедаем, отдохнём и поедем назад. Теперь, даже если мотор забарахлит, мимо дома не проедем.

– Хорошо здесь, особенно красиво, когда смотришь в глубину рощи, - восхитился Рева. Он ещё раньше любовался этими берёзами, когда солнце, пробиваясь сквозь листву, создает пёстрый ковёр из различных оттенков. Сравнил эту красату с картиной Левитана - «Берёзовая роща». Видел её в «Третьяковке», ещё школьником, когда был там с матерью. Только на картине трава была высокая, а здесь низкорослая и даже на открытых местах почти пожухлая, очевидно от засушливого лета.

Обулись и остальные, совершив с удочками то же самое.

Отойдя от лодки Рева спросил: – Виктор, здесь какие-нибудь достопримечательности есть?

– Здесь – это Иртыш, остальные в городе, - ответил он. Оказавшийся за спиной Валерий, произнёс:

– Виктор Иванович, а обелиск?

– Это ведь не здесь, а в сорока километрах на запад от города в местности Делеген. Там стоит памятный знак обозначающий центр Евразии, - пояснил Виктор. Рева покачал головой:

– Никогда бы, не подумал.

Саня, наверно постоянный «кашевар», помешал поварёшкой в котле, попробовал и с улыбкой произнёс:

– Жрать, пожалуйста, рыболовы – любители.

Расселись в прежнем порядке. Виктор и Валерий нарезали хлеб, Саня, расставив пять мисок начал наливать в них уху, а Панкрат, вновь удивил: вытащил литровую банку с солёными огурцами. Развернув газету, выложил пять небольших огурчиков и, улыбаясь, сказал: - Это закусон, пока уха горячая. Виктор достал бутылку водки, расставил кружки, сбил с пробки сургуч и, стукнув рукой под дно бутылки - картонная пробка вылетела. Быстро разлил водку со словами:

– Лёд тронулся, господа присяжные заседатели, - стал раздавать кружки. Саня подавал наполненные ухой миски.

Виктор произнёс тост:

– Выпьем: за встречу, за хорошую рыбалку и, чтоб не в последний раз!

Потянулись, чокнулись кружками, выпили – захрустели огурчиками. Водка была тепловата, и пить было не совсем приятно. А огурчик был прохладнее, да ещё солёный, и Рева сразу почувствовал, как исчезло неприятное ощущение. Про водку, не сдержался сказать Валерий, но дипломатично:

– Эх, забыли положить в водичку.

– Про это анекдот есть, правда, уже с бородой, произнёс Виктор и продолжил: «Начальник спрашивает подчинённого: - Ты тёплую водку любишь? – Терпеть не могу! Начальник: - В отпуск пойдёшь зимой». Посмеялись. Уха была ещё горячей и, прихлёбывая её понемножку, Рева не мог ощутить вкуса, но через некоторое время она ему очень понравилась, и ел с большим удовольствием. Пришлось прерваться, так как Виктор предложил повторить приём «бодрящего напитка». Когда он стал разливать по кружкам, Валерий посоветовал:

– Виктор Иванович, разливайте на четверых. Паня у нас рулевой, как бывший кержак не привычный пить и, во избежание кораблекрушения, его надо ограничить в удовольствии. Тот, улыбаясь и поблёскивая голубыми глазами, ответил: - Да я за этим удовольствием шибко не гоняюсь, как некоторые.

– Нет, мы ему нальём «боевые двадцать грамм», а вперёд – смотрящим на корабле, назначим Валерку, как самого тренированного в этом деле. Выпили, закусили, оставшимися в банке огурчиками, и принялись за уху. Почти все обратились к Сане, за добавкой. Рева, скорее из-за солидарности, и подтвердить, что уха ему понравилась, протянул миску и попросил:

– Мне, чуть, чуть.

Саня, улыбаясь, со словами: - Не стесняйся, - зачерпнул ему чуть не полную поварёшку. Когда в мисках послышался стук ложек, первым нарушил молчание Валерий:

- Рева, Виктор Иванович сказал, что ты недавно из армии?

- Одиннадцатый день, - ответил он.

- Во! Даёт, - удивился тот, - а дома-то побывал?

- Один день.

- Это далеко?

- В Кемеровской области.

- Я тоже, оттуда. Я в Сталинске родился, там техникум окончил и в армию уехал - оттуда. Служил в погранвойсках - связистом. Сидел на телефонной станции, ни одного шпиона не поймал, - выдал он почти всю биографию.

- Я тоже шпионов не ловил - служил в танковых войсках, командиром танка.

- А я в пехоте служил, - сказал Панкрат, - в снайперском отряде, все на плац маршировать, - он помахал ложкой в воздухе, как бы барабанной палочкой, - а мы стрелять, - с выражением самодовольства, добавил он.

- Куда ещё таких таёжников отправлять, - заключил Валерий.

Саня, который до этого молчал, облизал ложку и с каким-то чуть не сожалением, произнёс:

- Мне служить не довелось, забраковали, на счёт ног.

- Ну, устроился, - вклинился Валерий, - в танк он не влезет, в кабину самолёта тоже, на кораблях все двери узкие, ему б в пехоту, а у него ноги больные. Ты, Саня скажи, как ты вором стал.

- Ох, ты и болтун, Валерка. Дурак я, рассказал одному, а он такое же трепло оказался, как и ты.

- Да ладно, Сань, - смягчил тон задира, - расскажи. Каждый может в такое влипнуть.

- Я от тебя ничего не слышал, - сказал Виктор.

Саня недовольно покосился на Валерия, и начал рассказывать:

– Прошлый год, осенью, провожал тётю на поезд, посадил в вагон, занёс вещи, попрощался, иду к вокзалу. У входа стоит женщина в сером пальто и белом берете и разговаривает с каким-то старичком, борода клинышком, в шляпе и очках. В метре от неё стоит другая женщина, в розовом пальто и белом берете. Подхожу та, что одна, делает шаг в сторону и обращается:

– Молодой человек, вы можете нам помочь? Я отвечаю:

– Могу. Она говорит:

– Сестра заговорила с профессором, а я боюсь, мы на поезд не успеем. Вы можете донести наш чемодан? Я говорю:

– Могу. Она:

– Тогда идёте, - и пошла к вагону. Я взял чемодан и за ней. Она показала билет и поднялась в вагон. Я подал ей чемодан и иду назад. На перроне никого, кроме этой парочки. У входа, на встречу идёт дежурная по станции в красной фуражке. Я её пропустил, вошёл в зал ожидания и иду к выходу в город. Раздаётся звон станционного колокола, я невольно оглядываюсь – поезд тронулся. Вдруг та тётка, как закричит:

– Чемодан украли! Я на площадь. Подхожу к автомату и звоню по ноль два, в милицию. Ну, сказал, такая то женщина, как одета, украла чемодан, едет в сторону Новосибирска и повесил трубку.

– Да, если увидел бы кто, задержали бы как сообщника, - сделал вывод Виктор. А Саня приподнялся на одной руке, посмотрел на Реву, меж бровями появилась морщинка, глаза сузились и он заговорил - совсем о другом, как бы отстраняясь от надоевшей ему темы и обиженный, что его прервал Валерий. Он сказал:

– У меня отец был танкист во время войны. Служил водителем. Два раза танк подбивали, но экипаж оставался целым, - тут он отодвинул миску, сел по-восточному, скрестив ноги, и продолжил, с хмельным упорством, - А под Курском, сначала подбили гусеницу, танк развернуло, и

второй снаряд попал в моторное отделение. Отец выскочил из своего люка, отбежал метров на десять и невдалеке взрыв. Его контузило и осколком оторвало леву кисть руки. Он не знает кто его спас. Очнулся в батальонном лазарете. Когда стал соображать, спросил у медсестры, нельзя ли было спасти кисть? Она ответила: «Ты её раньше потерял». А про экипаж так и не узнал, спася кто или нет. Он до сих пор гордится, что служил на легендарной - Т-34. Да ещё добавляет, на последней машине стояла восьмидесяти пяти миллиметровая пушка.

– Так я тоже на ней служил, - сказал Рева.

Тут он объяснил, что значит служить на эксплуатационной машине. Какие трудности в зимнее время. В этом его поддержал Валерий:

– У нас на центральной базе был гараж на несколько машин. Отопления в гараже не было. Шофера зимой вечно ворчали, что ремонтировать на морозе трудно. А больше всего, что машина начальника погранзаставы должна быть всегда на ходу. Шоферам приходилось дежурить и всё время прогревать её.

- Кстати, о прогревании, продолжил рассказывать Рева, - в конце ноября пятьдесят пятого года, в Подмосковье, установились морозы за сорок градусов. Бывший тогда министром обороны Малиновский, издал приказ запрещающий прогревать эксплуатационные танки горючим. На все такие машины сварили металлические печи, с разборной трубой и коленом. Крепилась печь на задней броне мотора. На полигоне положили по два бревна на каждый танк. Завезли дров. Печь укладывали между брёвнами. Танк загонялся на эти брёвна, между колёсами танка просовывалась труба к печке, а к ней присоединялась вертикальная труба. Танк полностью накрывался брезентом. Механик снимал подмоторный люк. Задача экипажа была: топить печь пока танк не понадобится для вождения или стрельбы. Расстояние от земли до днища танка, на брёвнах, было, примерно шестьдесят пять сантиметров. Лежишь на

боку, подбрасываешь дрова, поддерживаешь огонь. В одну из ночей, забрался под танк, печь горит хорошо, самому-то холодно. Забрался между гусеницей и печкой, повернулся к печи спиной, проверил расстояние до неё – сантиметров пятнадцать. Хорошо, спину греет. Думаю: «Полежу немножко, повернусь к ней передом, а то руки и лицо мёрзнут». Изредка провожу рукой по заду – всё нормально. Видать задремал чуток. Хлопнул себя сзади по бушлату – искры полетели. Я из – под танка. Только брезент отбросил, за спиной пламя вспыхнуло – я спиной в снег. Потушил. Но смена продолжается. Подбросил дров и теперь забрался передом к печке. Провожу периодически рукой по животу – всё нормально. Но зад, с дырой в бушлате, сильнее мёрзнет. Думаю: «Ещё чуть и повернусь». Хлопаю себя по животу – опять искры. Выскакиваю из-под танка. Хорошо, догадался, подбородок рукавицами прикрыть, – пламя перед носом. Бухнулся пузом в снег – потушил. Остаток смены крутился перед открытой дверцей печи, отогревал, что мёрзло. Утром приехала наша рота на вождение. Построение. Старшина подходит, а у меня впереди на бушлате две огромные дыры. Он: - Что это такое? Я ему: - Это ещё не всё, - поворачиваюсь задом. Он, глаза квадратные: - Я у тебя за бушлат высчитаю! Я ему: - В мирное время, служа отечеству, защищая его честь, я чуть не сгорел в танке, а вы мне про какой-то бушлат. Я согласен только на медаль: «За отвагу!» Он махнул рукой и отошёл. Все, поулыбались, а Виктор сказал:

– Шутка – шуткой, а если бы капитально уснул? Вспыхнула бы вся одежда и не выбрался бы из-под танка.

Панкрат, который полулежал, приподнялся и самодовольно улыбаясь, произнёс: - Все, говорят: - Пехота, пехота, - тут он соорил презрительное выражение, - у нас в военных лагерях баня была в трёх километрах. Так мы туда ездили на бортовой машине, а танкисты туда и обратно пёхом! Мы их пыльцой обдували, - и он гоготнул.

– Это и у нас так было, - поддержал его Рева, - помолчал и добавил, - на танках в баню не поедешь.

Саня, подкладывая хворост на тлеющий костёр, повернул голову и сказал: - Паня, сходи, прополощи чайник и принеси воды. Надо чаёк заварить, всем взбодриться, а тебя тоже прополоскать надо. Ты же у нас за штурвалом. Тот не оговариваясь, поднялся, взял чайник и пошёл к реке. Виктор с Валерием закурили. Рева обратился к Виктору, чтобы он рассказал, как он снимался у Эйзенштейна. Он вынул изо рта сигарету и усмехнулся, выпуская дым: - Сильно громко сказано. А то и в правду подумают, что я какой-нибудь актёр.

– Ну, всё же..., - настоял Рева. – Может, я уже, где по пьянке, рассказывал? - Я не слышал, - отозвался Валерий. – И я не слышал, - сказал Саня. Пока шло это небольшое разбирательство, вернулся с улыбкой и радостным выражением на лице, Паня: - Я сейчас, в омуте, чуть шурёнка ведром не поймал! – Слушай, - взглянул на него Саня, - не учись, как Валерка, погибать. – А что ты на меня несёшь? – возмутился тот. – Ладно, - отмахнулся от него Саня, вешая чайник на крючок, - расскажи Виктор Иванович.

Реве очень хотелось, что бы эти мужики, с которыми он работает, узнали о его военной службе. – Ладно, - согласился он и начал рассказывать, как после окончания школы, в июне сорок третьего года его призвали в армию и отвезли в лёгкое училище Ашхабада. В это время Эйзенштейн снимал там первую серию «Ивана Грозного». Привлекли курсантов для съёмок. Нарядили их боярами. Надели шубы с длинными рукавами, приклеили усы и бороды, надели высокие меховые шапки, а в это время стояла жара в пятьдесят градусов на солнце. В хоробах, они должны были шарахаться при появлении Грозного. Пока сняли эту сцену им, пришлось шарахаться тридцать раз. – Вот и вся моя артистическая карьера, - закончил он эту историю. – А как в осаждённый Ленинград попал? – задал ему наводящий вопрос Рева, из тех

же соображений. Виктор взглянул на него, укоризненно покрутил головой, но продолжил: - Нашу роту учили на механиков по вооружению – три месяца. Другую, на механиков по двигателям, а лётчиков учили шесть месяцев или год. По окончании учёбы направили на фронт. Восемь человек и меня самолётом перебросили в Ленинград. Там служил в истребительном полку полтора года войны и остальное время, до демобилизации. – Про режим расскажи, - напомнил Рева. Виктор мотнул головой в его сторону: - Он лучше меня знает мою биографию. Ну, а режим был такой: отправил самолёт в полёт – лежи на поле, если погода нормальная или в казарме. Увидят, что ходишь – накажут. Еды было мало. Кусочек хлеба и две котлеты из моркови или свеклы. Это может быть: завтрак, обед или ужин. Лётчиков отдельно кормили. Да, расскажу забавный случай. В начале сорок четвёртого года прислали пополнение лётчиков, человек пять, младших лейтенантов. И вот один из них, имя забыл, а фамилию запомнил – Иваницын. Вылетел в первый полёт и сбивает фашистского асса. У того чуть не пятьдесят сбитых наших самолётов. И по-русски, просит показать ему лётчика, который его сбил. Вызывают, входит, а ему лет девятнадцать. Не поверил. Говорит: - Уведите этого, сопляка! А подставы - не было. Его, кажется, наградили медалью «За отвагу!» Виктор затаился последний раз, поплевал на папиросу, раздавил её о подошву полуботинка и взглянул на Реву. Тот сделал ладонь горизонтально и провел из стороны в сторону. – Ещё подсказка, - улыбнулся он. - В части такое рассказывали: Командир дивизии, в сорок первом году, когда немцы рвались к Ленинграду, обратился к руководству города с таким заявлением: - Когда началась первая мировая война и немецкие воска двинулись на Россию, Николай второй, отменил приставку «Санкт» у Петербурга, а к концу четырнадцатого года, переименовал в город Петроград. А дальше командир дивизии предложил, чтобы самолёты могли взлетать в любую погоду, со всего огромного немецкого кладбища, находящегося рядом,

собрать все плиты уложит из них длинную взлётную полосу. И разрешили, и сделали. Так и служит наверно до сих пор.

Саня, который «колдовал» с чайником, как только Виктор закончил рассказывать, сообщил: - Можно чаёвничать.

У Рева была некоторая неудовлетворённость, что Виктора сослуживцы не расспросили о чём-нибудь ещё. Потом подумал: «Наверно постеснялись, он для них, в некотором роде – начальник».

Расставили кружки, выложили сахар, хлеб, нарезанный к ухе, Рева свои ириски. Чай был очень горячий, и пришлось выждать. В наступившем молчании первым заговорил Панкрат, его круглое веснушчатое лицо и светло-голубые глаза выражали какое-то приподнятое настроение: - Помню, до войны, мне было лет шесть. По воскресениям к бабке приходили подружки – соседки. Помолятся, потом сядут пить чай. Самовар большой. Отец к их приходу наколет сахару, пили - вприкуску. Они повесят полотенца на плечи для утирания и пьют чай полдня. Я трусь около них, пока мне не дадут кусочек сахара и бегу на улицу – хвастаться. – Раньше так было принято, - сказал Валерий, - у нас тётка жила на окраине города, так у неё тоже соседки собирались. Правда, не знаю часто ли?

Виктор пояснил, что когда на Руси появился чай и самовары, люди из соседних стран прозвали русских – водохлёбами.

Слово видать понравилось Валерию и он, вздохнув свою чёлочку, приподнял брови, отчего карие глаза округлились, произнёс: - Давайте, водохлёбы, шаранем, по кружечке чайку, за всё же удачную, рыбалку!

Но чай ещё оставался горячим. Рева пытался прихлёбывать его, с большой осторожностью. Саня прихлебнув чаю, вдруг сказал: - Тут по радио, в газетах всё тархтели об Антипартийной группе. А мой отец говорил, что не верит, чтобы они стали врагами народа.

- Так нигде не говорилось, что они враги народа, - возразил Виктор, - там говорилось, что они не поддерживают

новую линию партии. Их же не арестовали. Кого на пенсию, кого куда. А Маленкова в наши края послали – директором гидроэлектростанции, в Усть-Каменогорск. Никита по стране ездит, видит, как народ живёт. Жильё для народа по городам стали строить. А те всё в кремле сидели.

– У меня мать, - начал говорить Панкрат, ставя кружку рядом с миской,- недавно приехала от сестры с Алтайского края. Там в деревне всё Маленкова вспоминают – житьё тогда лучше стало.

– Конечно, народ будет вспоминать, при нём налоговые долги с колхозов списали, - пояснил Виктор, - и часть трудодней стали деньгами выплачивать.

– Народ, добро помнит, - произнёс Саня, как бы подводя итог, и посмотрел на Панкрата.

Чай чуть остыл и Рева, уже с удовольствием пил его, разжевав ириску, и размышляя: «Высоко оценив красоту этой берёзовой рощи, теперь с удовлетворением отмечал, как приятна ему, эта компания людей, с которыми вчера не был знаком. Этот рыжеволосый, которого все зовут Паня, добродушный, не обижается ни на какие колкости, обстоятельный. Про таких говорят – домовитый. Валерий: энергичный, видать деловой, готовый к розыгрышу любого, но шутки не злобные. Такие бывают душой компании. Саня: не разговорчивый, себе на уме, знает своё дело. Здоровяк, уверенный в себе, на колкости не реагирует. Все они, как будто давно знакомые. И это благодаря Виктору он оказался в такой компании, в таком месте, на такой рыбалке, которую никогда не забудет».

– Можно пару ирисок на закусон, - потянулся рукой Валерий.

– Пожалуйста, - Рева пододвинул к нему бумагу с кучкой ирисок.

Ириски оставались, так как одну взял Виктор, сам чай выпил с тремя и вот Валерий попросил и Рева, завернув остальные в бумажку, предложил: - Возьмите ириски у кого дети есть.

– У меня ещё грудной, у Пани тоже, а у Сани двое. Нас в армию, а он сразу давай детей клепать. Они уже в детсад ходят.

Рева обратился к нему: - Возьми. Тот держал в руке котёл, с остатками ухи: - Ну, положи на мой мешок, - и отправился к реке. Когда взяли свои рюкзаки, Рева собрал все бумажки, от ирисок и, вернувшись с прополоснутым котлом Саня, стряхнул крошки с покрывала, на поляне ничего не осталось.

Рева кивнул головой в сторону двух кучек сваренной рыбы, на это, Виктор пояснил: - Найдутся, кто съест, а муравьи подчистят.

Рева надел куртку и сел на прежнее место – на носу. Лодку, столкнули с отмели, все расселись по своим местам. Панкрат опустил винт в воду. У Ревы мелькнуло: «Заведётся или нет?» Двигатель завёлся с первого раза. Рева окинул взглядом рощу и, при развороте лодки, смотрел, как она смешалась с другим лесом. На часах было десять минут третьего. Солнце светило прямо Реве в лицо, и он развернулся, чтобы смотреть вперёд. Лодка вниз по течению неслась с большой скоростью так, что ветерок над водой казался прохладным. Рева снова любовался, красотой разнообразия берегов и деревьев на них. Как и вчера на небе – ни облачка. Солнце греет по-летнему. И потому ветерок приятен. Рева развернулся в сторону левого берега и стал высматривать небольшие островки, надеясь отыскать тот, на котором пришлось ночевать. Однако на протяжении большого расстояния было много островков от обрушения берега и поросших, со временем, травой и кустами тальника. Определить место ночёвки он так и не смог.

Вскоре река повернула налево и вдали, над рекой и полосой тумана, показались городские дымы. Через пару минут лодка сбавила ход. Рева увидел трубу электростанции, а вскоре катер и дома. Лодка сделала плавный разворот и тихо уткнулась в берег на своё место. Рева взял рюкзак и первым вышел из лодки, за ним Виктор с сеткой рыбы. Вышли остальные, кроме Панкрата, которого Саня попросил

снять движок. Он поднял винт над водой, а все втащили лодку на берег. Саня достал из мешка замок с ключом, вытащил цепь с лодки и, накинув её на железный столбик, закрыл на замок. Он сказал Панкрату, чтобы обождал его пока он отнесёт «барахло» на катер и стал доставать из мешка котёл, чайник и миски. Виктор обратился к нему: - Спасибо, Саня за всё, мы пойдём, - пожал ему руку. Рева тоже поблагодарил его и попрощался за руку. Валерий сказал Сане: - Не греми мисками, я их отнесу и опустил свой рюкзак на землю. Прощаясь с ним, поблагодарили за компанию, а он добавил:

– Задержись, танкист – порыбалим. В этот момент подошёл с движком Панкрат и, положив движок на нос лодки, вышел из неё, попрощаться, вещи его были ещё в лодке. Виктор похвалил его, как он лихо вёл лодку. Прощаясь с Ревой, добродушно улыбаясь, сказал: - Жалко катер подсуропил, подальше бы прокатились. Он остался у лодки, Валерий, забрав миски, двинулся за Саней. Виктор с Ревой пошли к дому. Валерий оглянулся, Рева махнул ему рукой.

В доме зашли на кухню, Виктор положил сетку с рыбой в небольшой тазик, стоящий на табурете, очевидно специально приготовленный. Рева, по совету Виктора, оставил рюкзак в сенях на небольшом столике. Из комнаты в коридор вышла Мария Александровна. После приветствий, спросила, где ночевали. – На каком-то маленьком острове, - ответил Рева.

– Иногда ночи бывают прохладные, - сказала она, - а я в окно вижу, катер на месте стоит.

– Мы сытые, сейчас умоемся и ляжем подремать – спали чутко и немного, - сказал Виктор, обращаясь к ней. Он, показал на свою комнату для раздевания, а сам пошёл в комнату – разложить диван. Быстро вернулся и сказал: - Проходи в комнату и ложись, а я помидоры полью. Рева не согласился, и они вышли вместе, взяв в сенях вёдра. Странно, но Реве показалось, что сейчас они справились с этой работой быстрее. Перед последним заходом Виктор

предложил умыться прямо у колонки. Что они с удовольствием и сделали. На кухне утёрлись полотенцем, сняли остатки рыбацкой одежды и пошли в комнату. Диван был застелен. Улеглись. На часах было без десяти минут четыре.

– Спасибо тебе за эту рыбалку. Такое никогда не забудется, - сказал Рева.

– Да, уж. Такую подготовку хрен забудешь, - проворчал Виктор.

– Я не об этом. Я о самой рыбалке. Мне кажется: расскажу я, кому ни будь, что стоя по щиколотки в воде, можно наловить столько рыбы, вряд ли поверит. А берёзовая роща. А река. Я же в первый раз проехал по реке на моторной лодке.

– Я хотел показать тебе Иртыш, проехав на катере.

– Не огорчайся, Виктор, на лодке ближе к обычным рыбакам. А катер – это уже для привилегированных людей, больше походит на прогулку, - говорил он, стараясь утешить друга. Потом, чтобы сменить тему, спросил, глядя на портреты родителей:

– Отец последние годы тоже имел усы?

– Небольшие, аккуратные.

– Сейчас в армии, даже первогодкам разрешают иметь усы, но только кавказцам. У нас в учебке, во взводе, были два кавказца: один армянин Серёжа Арменакович Казарян и грузин Бухути Напаевич Кодуа. Арменин не имел усов и плохо говорил по-русски. Но мог пальцами, на венском стуле, выстукивать всю музыку из индийского фильма «Бродяга».

– Восточные люди могут это делать, - подтвердил Виктор.

– А грузин, высокий красавец с пышными усами, говорил по-русски всё, но с сильнейшим грузинским акцентом. С ним интересно получилось..., - Рева посмотрел на друга – он уснул.

Посмотрел в потолок и закрыл глаза. В памяти возникло лицо Эли – красивое. Вспомнил последний выход в клуб, как

было хорошо и вдруг... Прямо, как в индийском кино... Странно, почему она ни разу не приснилась в армии? Наверно обида на ситуацию... Сестра всё-таки... интересно бы встретиться... Он повернулся на правый бок, мысли чуть покружились в воспоминаниях - и заснул.

Проснулись, когда за окнами и в комнате было темно. Виктор, очевидно, проснулся раньше, потому, что когда Рева открыл глаза и лёг на спину, он сказал: - Ты, что-то начал говорить про грузина, а я уснул. - Да, был грузин красивый с пышными усами. Начиная с мая его усы стали уменьшаться. И, постепенно, к августу, превратились в две тонкие полоски. Он отшучивался на вопросы и отвечал, что так лучше. Но кто-то разгадал его тайну: он влюбился в парикмахершу в офицерском городке и усы были предлогом для встречи, он их всё поправлял. И ещё. В мае объявили, что нужны два добровольца с каждого взвода для кросса на тридцать километров. Никто не решался, а Бухути вышел вперёд, потом ещё один Володька Кузнецов. Когда грузина спросили, как он решился, он ответил: - Я же коммунист! Им дали три дня подготовки - освободили от всего. Грузин куда-то уходил, Володька три дня лежал на кровати и читал книжки. В день кросса грузин прибежал семнадцатым, а Володька тридцатым. А потом мы его два дня под руки водили в столовую - его ноги не держали.

- Есть такие рискованные люди, - сказал Виктор.

Услышав их разговоры, вошла в комнату Мария Александровна и спросила: - Свет зажечь? - Да, - ответил Виктор. Мать была в красивом халате, который надевала, когда Рева только приехал, а сегодня, вероятно, просто воскресение. Она сказала: - Ужин сейчас будет готов, - вышла из комнаты. На стенных часах было без пяти восемь.

Ужинали на кухне. Рева не отказался от помидоров, которые ему всегда нравились. Мать сказала: - Пришлось продолжить вам рыбный день, и поставила на стол сковороду с жареной рыбой. Виктор пояснил: - Тут у

рыбаков принято жарить рыбу залитую яйцами. Вот, пробуй. Рыбы были без голов и даже без костей, что Рева удивило. Но было очень вкусно.

Потом попили чай с небольшими булочками и мёдом. После чаепития, Рева особо внимательно посмотрел на Виктора, ничего не говоря, но тот, очевидно, понял намёк о мёде. Он улыбнулся, но вставая из-за стола, сказал старую прибаутку:

– По закону Архимеда, после вкусного обеда надо покурить. Зашёл в свою комнату за папиросами и пошёл на крыльцо. Рева вышел за ним. Сели на скамью. Виктор закурил. Небо было не совсем тёмным и звёзд не было видно. Светились некоторые окна домов и, на повороте проулка, светил одинокий фонарь.

– О чём думаешь? – спросил Рева.

– Понимаешь, из-за этого катера, потеряли день.

– Брось ты об этом думать, ведь всё получилось нормально.

– Всё не нормально. Если бы рыбалка прошла в субботу, мы в воскресенье поехали бы в центр – у нас есть что посмотреть.

– Да, ладно. Не стоит отчаиваться.

– Рева, а ты можешь задержаться на день, два?

– Знаешь, Виктор, я дома сутки не побыл. А почти три года прошло. Неудобно. Другое дело, если бы экзамены сдавал, а так...

– Понятно, - Виктор выпустил длинную струйку дыма вверх, - ты назад, на шахту поедешь?

– Пока нет. Матери до пенсии два года, бабушке 82 года, а в своём доме: дрова, уголь, воду надо носить, снег чистить. Постараюсь какую-нибудь работу найти. А там видно будет.

– Всё правильно. Но я тебе очень благодарен, что приехал. Досадно, но у нас по понедельникам все музеи, театры не работают.

– Может мне ещё когда удастся приехать, - успокоил его Рева.

Помолчали. Чуть справа от улицы, за крышами домов, поднималась полная луна. Её свет выделил тёмные очертания домов и причудливые деревья.

– Как красиво, - воскликнул Рева.

Виктор загасил папиросу:

– Луна, любовь поэтов и художников. Поднялся, бросил окурочек и добавил: - Пойдём, послушаем, может, ещё - кого разоблачили?

Приёмник бы включён. Голос корреспондента рассказывал о хорошей погоде на целине и успешных работах по уборке урожая.

Они сели на разложенный диван. Рева спросил:

– Почему город называется Семипалатинск?

– Это идёт, скорее всего, от монгольского нашествия. На этом месте было семь буддийских монастырей – палат. Их часто беспокоили племена киргизов и казахов, и они сооружали, что-то вроде крепости. А первый русский острог здесь строился по указу Петра первого с 1714 по 1720 год. Постепенно он стал разрастаться. Виктор лёг на спину, заложив ладони под голову и продолжил, - Через несколько лет Томский генерал – губернатор устроил здесь таможню и послал сюда инженера, капитана Андреева. Он перестроил крепость. Чуть позже здесь появились мукомольный и кожевенный заводы. Во второй половине девятнадцатого века, население перевалило за двести пятьдесят тысяч. Были построены: Воскресенский храм и Соборная мечеть. Открылись две гимназии. В конце этого века появился телеграф, а в 1910 году телефон. Да недалеко отсюда родился первый признанный поэт, философ, композитор просветитель и общественный деятель казахов – Абай Кунанбаев. Здесь пять лет жил Достоевский с 1854 по 59 год. В трёх домах квартиры снимал. Вот я тебе почти всю историю рассказал, - Виктор посмотрел на друга, - А про Турк-Сиб ты знаешь.

– Знаю, - согласился Рева, - там ещё Корейка из «Золотого телёнка» отметился. Рева тоже лёг на спину.

По радио стали передавать последние известия. В Малайской Федерации приняли новую конституцию. В Омане продолжались беспорядки, после подавления, седьмого августа, войсками Великобритании восстания имама. В Лаосе перед парламентом выступил глава правительства – принц Суванна Фума. Из шестидневной поездки в Венгрию вернулся Хрущёв.

Виктор слушал всё это в пол-уха, его не бросала досада о потерянной субботе из-за катера. Ведь он мог в воскресенье сводить друга в музей и картинную галерею, - в этот момент он повернул голову к Реве и спросил:

– Как у вас в части отнеслись к Венгерским событиям в прошлом году.

– Сначала офицеры говорили: - У них армия сама разберётся. А когда начальнику санчасти, майору, позвонил откуда-то друг и сказал, что там коммунистов на столбах вешают, все задумались. Появился у всех, некоторый мандраж: пошлют или не пошлют? Но послали мотоцикл с коляской и пулемётом, из развед. взвода, и трёх солдат.

Диктор продолжил сообщения о событиях внутри страны, что на Рижском радиозаводе выпущен новый приёмник «Фестиваль», что Горьковский автозавод выпустил новую партию легкового автомобиля «Волга-М-21», а на Сормовском заводе идут испытания нового корабля на подводных крыльях, марки – «Ракета».

– Слушай, а, что это за подводные крылья? – спросил Рева.

– Не знаю. Но наверно, чтобы увеличить скорость.

– Наверно, - согласился Рева и рассудил, - там ведь речные суда строят, будут летать по реке как ракеты.

В спальню прошла Мария Александровна, пожелала им спокойной ночи и предупредила, чтобы не забыли выключить приёмник, может разбудить в шесть утра.

Диктор перешёл на новости в сельском хозяйстве и успехах на «Целине».

Решили спать. Разделись. Виктор выключил приёмник и свет.

Сразу уснуть ни тот ни другой не могли, и Рева первый нарушил молчание:

– Расскажи, в чём заключается работа дежурного по электростанции?

– Дежурный находится на главном щите, куда поступает информация о работе генераторов, нагрузка по фидерам, то есть по всем отходящим линиям высокого напряжения. Телефонная связь с машинным залом с аварийной бригадой.

Связь с крупными потребителями. Необходимо следить по приборам за режимом работы. Тяжеловато было, когда сутками дежурили, а по восемь часов нормально.

– С работой в шахте не сравнить, – сделал резюме Рева.

– Конечно. Там только обойти все забои уже нагрузка приличная, так что горнякам не зря деньги платят, – заключил Виктор.

Они ещё поговорили о завтрашнем дне. Виктор пообещал побывать с ним в центре города, хоть, что-то показать. Потом, каждый из них решил, что не стоит продолжать разговор и не разбудить сон у друга. Замолчали. Однако и тот другой, перебирая в памяти последние дни, уснуть быстро не могли.

Виктор от этих дней ушёл в воспоминания о совместной жизни, когда работали на шахте. Вновь отмечал, что за всё время не было ни одного случая какой-то размолвки. Он углубился в воспоминания, когда учились на четвёртом курсе и жили в разных комнатах, у каждого была своя компания, а что-то потянуло друг к другу. А когда получили направление на преддипломную практику, он сутки пробыл в гостях у Ревы дома и вместе взяли направление на одну и ту же шахту. А когда шахта отказала практикантам в рабочих местах и все семь человек, остались без денег, пришлось разгружать вагоны с лесом. Но и тут сразу не платили, поэтому некоторые посылали его, как бригадира,

ходить по начальству с просьбой выдать авансом деньги. Рева ни когда не входил в их число. Но ему как бригадиру удалось договориться с одной из официанток шахтовой столовой: кормить их, с записью в долговую книгу. Теперь они питались три раза в день, но через день. Официантка так работала. При такой обстановке трудно было собирать материал. Тут Рева, который хорошо разбирался в чертежах, доставал материалы не только себе, но и другим, в том числе и ему. Сейчас он подумал, возможно, впервые проявил к нему симпатию, когда после первых встреч, его друзья рассказали ему, как он за неделю выполнил им пять курсовых работ по черчению и все получили пятёрки, а свою работу выполнял в последнюю ночь и получил оценку четыре. А на шахте, работая простым мастером, через пять месяцев его назначают, на инженерную должность в «Рудоуправление». Все удивлялись. А он, в отношениях с друзьями, ни на йоту не изменился. Чуть не год назад написал в письме, что при первой же возможности приедет. И приехал. А у меня так неважно получилось.

Рева думал о том, как ему повезло, что есть такой друг, который готов преодолеть любые трудности ради того, чтобы сделать другу приятное. Когда бы в жизни он мог попасть на такую большую реку, ощутить особую прелесть рыбалки. Увидеть - красоту просторов, отличающихся от сибирских, тем, что леса, в основном, лиственные. Хоть немного почувствовать уклад жизни у большой реки. И, это произошло благодаря другу. Даже переживания Виктора, по поводу сбоя задуманного, ему в некоторой степени, льстило.

Утро было таким же солнечным, безоблачным. Завтракали на кухне. Мария Александровна угощала яичницей и поставила рядом тарелку с помидорами и нарезанным зелёным луком. Всё было вкусно, но Виктор подбадривал его:

– Ешь, ешь. Потом пили чай с такими же булочками и вареньем или мёдом. Рева, на этот раз, не сделал ни каких намёков на мёд, и оба ели булочки с вареньем.

Вернувшись в комнату, Рева спросил, указывая на альбом, лежащий на нижней полке этажерки:

– Это семейный?

– Да, - подтвердил Виктор и, взяв его, пошёл к дивану. Сели рядом. Альбом был старинный с небольшими отверстиями для фотографий, обведённых позолоченной каёмкой. Фотографии были качественные коричневатого цвета. На одну фотографию мужчины с окладистой бородой он назвал своим дедом по отцу. Несколько фотографий мужчин и женщин он назвал родственниками или друзьями семьи. Потом были снимки отца, ещё довольно молодого. Потом снимки отца и матери с которых, очевидно был сделан общий портрет или сделан в то же время. Была одна фотография отца, в матросской форме – молодого. Виктор сказал, что этот снимок сделан после возвращения из плена. Была фотография родителей с ним, совсем маленьким, и он пояснил, что это снято в Нижнем Новгороде. Было две фотографии отца во френче и фуражке на корабле. Фотография Виктора, когда он окончил школу, была небольшая, и выглядел на ней просто пацаном, как он сам сказал. Одна его фотография во весь рост в военной форме с медалью – «За оборону Ленинграда». В конце кучкой лежали любительские снимки с Ольжераса, почти все в шахтёрской робе, в каске и с лампой на груди. У Ревы некоторые из них тоже были. Несколько с общими знакомыми и Ревиными друзьями. Поговорили, вспоминая их. Почти все, как и Рева, были призваны в армию.

Виктор закрыл альбом, положил его на прежнее место, и сказал:

– Мне надо отнести соседу Илье, одежду, которую он давал для тебя.

– Пойдём вместе, я хочу посидеть, на прощание, у Иргыша, - сказал Рева.

Когда вышли на улицу, Рева сказал: - Посижу на нагретом месте, у берёзы. А когда сел на это место, понял, что сделал ляпсус, назвав место нагретым – грубый намёк на неудачу с

катером. Река, деревья, и простор за противоположным берегом, всё было, как прошлый раз. Так же с рёвом пронеслась моторная лодка вверх по течению. Тёмно-синяя вода реки поблёскивала в волнах. Даль была затянута голубоватой пеленой. А на этом берегу, как и тогда, лежали три лодки, стоял катер, и была полная тишина. Рева подумал: «Похоже, катером никто не занимается». Он смотрел на всё это внимательно, словно стараясь запомнить эту красоту навсегда. Ведь, так или иначе, ему когда-то придётся рассказать об этой поездке. Да, скорее всего своим друзьям в городе, которые давно вернулись из армии. А раньше наверно матери, которая спросит о поездке.

Вдруг послышался шум из-за кустов мыса, у которого стоял катер, показался нос теплохода. Он двигался вверх по течению, но довольно быстро. На верхней палубе толпился народ. И как только от него побежали буруны волн, Рева вспомнил, как испугался, когда лодка управляемая пьяным Иваном стала черпать бортами воду: «Всё, погибну как Ермак на Иртыше!»

Теперь он этому улыбнулся.

Через несколько минут подошёл Виктор и сел на траву рядом:

– Что любишься?

– Да, красота! – подтвердил Рева и посмотрел на часы: было бездесяти час. Он посмотрел на Виктора:

– Так какую программу ты вчера наметил? Виктор улыбнулся:

– Программа простая. Побродим по центру, чтоб хоть какое-то представление о городе осталось.

Рева поднялся: - Пойдём, лучшего экскурсовода, мне не надо.

Когда Виктор сказал матери, что Рева сегодня вечером уезжает, а сейчас они поедут в центр города, она засуетилась:

– Ой, обед у меня ещё не готов, но перекусить можно.

– Мама, мы же недавно завтракали. Погуляем по городу и там найдём, где перекусить.

Она взглянула на Реву и, сожалением, сказала:

– Я хотела, чтобы вы помидорчиков домой увезли.

– Спасибо, Мария Александровна, но мне сложно их довести.

– Мама, но как он будет ходить по городу с помидорами? – сказал Виктор, надевая пиджак.

Рева поблагодарил её за вкусную еду за внимание, она в ответ, с сочувственной улыбкой, кивала головой. Он попрощался, пожелав ей здоровья, и они вышли из дома. Пока шли до остановки автобуса, у Ревы после прощания, проскользнула мысль: «И в альбоме ничего не было, связанного с генералом». А Виктор произнёс: - И здесь «подкузмил» катер. Если бы вчера побывали в центре, сегодня спокойно, я бы нашёл специальный ящик под помидоры, и ты бы уехал, как нормальный человек.

– Виктор, да брось ты об этом думать. В итоге всё прекрасно получилось, - успокоил его Рева, в очередной раз, с некоторым упрёком.

Автобус подошёл быстро. Пассажиров было человек шесть, они сели на последнее широкое сидение. Подошла кондукторша, молодая казашка – Виктор заплатил за проезд. Посмотрев на Реву, с небольшой усмешкой, сказал:

– Познавательная программа – это променаж мимо культурных объектов, в связи с понедельником, и плодотворный отдых с комсомольским задором, в ресторане, на Комсомольской улице.

На эти слова, средних лет женщина, в платье в полоску и соломенной шляпе, сидевшая впереди, чуть развернулась и взглянула на Виктора.

Автобус, после двух остановок, выехал на привокзальную площадь. Кое-кто вышел, но больше людей вошло, но рядом с ними ни кто не сел. Виктор продолжил: - Сначала заедем на главное место отдыха горожан, остров Кирова. Это очень большой остров. Большая часть просто лес. Там в каком-то

месте был даже лагерь для заключённых. Теперь строят грандиозные планы.

Через минуту Виктор сказал:

– Пора выходить. Они поднялись, автобус остановился и, следом за одной парой, они вышли. Виктор пояснил:

– Эта часть города числилась как купеческая слобода. Купцы первыми осваивали остров. И здесь на левом берегу и на острове, строились лавки и склады, ведь по реке доставляли товары. И тут же стали строить свои дома.

Рева ещё в автобусе заметил много домов, похожих на купеческие дома в городе Томске. Теперь он заметил, там было больше домов полностью из дерева, а тут у многих низ каменный. Улица или проулок медленно спускался вниз. Тут были и одноэтажные деревянные дома. Вышли к реке. Здесь было довольно много деревьев. Не очень длинные сходни вели к понтонной, как понял Рева, переправе. За синеватой волнистой водой реки, был виден остров, сплошь порытый деревьями, и уходящий далеко вдаль. Пройдя по переправе сразу начиналась широкая короткая аллея, со светильниками на ажурных столбах. Её пересекала более широкая аллея с цветниками по сторонам, со скамьями, выкрашенными в различные цвета. Виктор предложил пойти налево. Через некоторые промежутки стояли ларьки, накрытые разноцветными тентами. Первое ответвление в сторону вела, как сообщала яркая вывеска в детский городок. Рева увидел в проёме между деревьями вращающуюся карусель и бегающих детей. Пройдя немного, Виктор повернул направо. На большом пространстве, окруженным деревьями, были различные аттракционы для взрослых: разнообразные качели, карусель, два соединённых самолёта, для совершения мёртвых петель и другие развлекательные приспособления. В глубине стояли приземистые здания с витражами под крышей. Виктор сказал, в одном бильярдная, в другом шахматный клуб. Когда они работают, он не знал. В другой стороне виднелся пивной бар, который был закрыт. Посетителей не было, ходили люди, видать, из obsługi, и

только на спортивной площадке у турников были три парня. Виктор улыбнулся:

– Вот, с первым объектом я тебя познакомил.

– Хороший объект, - в тон ему ответил Рева. На выходе с главной аллеи Виктор сказал:

– В той стороне будет полный спортивный комплекс, возможно со стадионом.

Солнце пригревало. Рева раздвинул полы пиджака. Виктор посмотрел на него и предложил:

– Давай выпьем по стакану газировки. Рева согласился. Подошли к женщине, за светло-зелёной подставкой, на которой стояли две узкие колбы с соком укрытые полосатым тентом. Она взглянула на Виктора и спросила: - Вам с вишнёвым или яблочным? Виктор взглянул на Рева, ища поддержки и сказал:

– С вишнёвым. Она поставила перевернутый стакан на промывочное устройство, повернула ручку, и струи воды обмыли стакан изнутри и снаружи. Поставила под колбу с соком, чуть открыла кран, налила сок, смотря на разметку на колбе, потом поставила его под кран с газировкой и, с шумом, наполнив его, подала Виктору. Он передал Реве. Напиток был вкусный и прохладный. Напившись, поставили стаканы, поблагодарили женщину и отошли. Виктор протянул руку налево и сказал:

– Продолжим путь по этой аллее и выйдем на правый берег.

Пошли, метров через пятьдесят аллея закончилась, дальше была вновь понтонная переправа, а справа, стояло большое панно, с заголовком: «Посетите наши культурные и архитектурные объекты!» Рева заинтересовался и они подошли. Фотографии были большие и хорошо сделаны. Первой сверху была мечеть с двумя минаретами, рядом собор с подписью «Воскресенский». Прямоугольное здание с восьмигранной башней на верху, с конусным куполом и шаром на верху, с крестом. С другой стороны узкая колокольня, так же с конусом, шаром и крестом. Здесь было

здание Музыкального казахского театра им. Абая. Русского драматического театра им. Луначарского. Под ними стояли даты 34 и 37 годов. Фотография дома, в котором много раз бывал Абай. Виктор показал:

– Вот исторический музей, а за ним «Дом Достоевского». На него Рева посмотрел внимательней, всё-таки русский писатель. Виктор добавил:

– В этом доме Достоевский жил два года. Видишь, написано с 1855 по 57. Заметь, как раз сто лет назад.

Дом был в два этажа, но первый этаж был низкий, окна небольшие, у самой земли. На втором этаже они нормальные, пять окон на улицу. Дом огорожен металлической оградой, в конце дома несколько небольших деревьев и большая берёза. Крыша современная – шиферная.

– А знаешь, неплохой домик, жить можно, - сделал вывод Рева. У него мелькнула мысль, и он её решил высказать:

– Забавно, что иногда рассказывая, о дореволюционной жизни, говоря о том, что герою было очень плохо, у нас вызывает улыбки. Я не хочу сказать, что там всё было хорошо, но вот такой случай. В шестом классе на уроке литературы, учительница, рассказывая, как Некрасову в какое-то время жилось плохо, говорит: «Он питался колбасными обрезками!?» А ещё шла война, мы сидим голодные, не помним запаха колбасы и думаем: «Нам бы сейчас обрезков колбасы...»

– Да, нам во время блокады в Ленинграде, часто приходили подобные мысли.

Рева ещё взглянул на фотографию и сказал:

– Дом лучше моего и твоего.

– Дом-то не его, он там квартирантом был, заметил Виктор и продолжил, - кстати, здесь, в нашем городе, он написал «Село Степанчиково», «Дядюшкин сон» и первые главы «Записки из мёртвого дома».

– Ууу, какие познания у тебя о Достоевском! Я ничего у него не читал. В школе по литературе его даже не упоминали.

– Успокойся, Рева, я тоже ничего этого не читал и в школе не изучал. В газетах было об этом написано. Мне отец говорил, что он очень не нравился Ленину.

– Тогда понятно, в чём дело, - заключил Рева, взглянул на часы, и, посмотрев на друга, сказал, показывая на панно:

– Ты хочешь это показать мне в яви?

– Не всё, но из этого.

– А назад к вокзалу мы поедem через разводной мост? То - есть, тоже по понтонам?

– Да.

– А вдруг теплоход подойдёт, и разведут понтоны, а уже без двадцати три.

Виктор почесал, где-то за ухом и сказал: - Возможно, ты прав. Пойдём назад.

Шагая, Рева почувствовал некоторую неприятность, что вмешался в план друга, хотя свои опасения оправдывал.

Когда шли по понтонному переходу, Виктор рассказал, что уже давно есть проект о строительстве автомобильно-гузевого моста через Иртыш, обещают в будущем году начать строить.

В автобусе сели у окна, и Виктор пояснял, проплывающие виды за окном. Здесь поодаль от реки купеческих домов совсем не было. В основном дома были двух, трёх этажей многоквартирные. Он сказал, что сейчас проедem по Социалистической, повернём на Ленина и выйдем. Когда вышли, Рева сразу понял, что это главная улица левобережья: фасады домов, такой же этажности, побелены, покрашены, асфальт на тротуарах ровный, между ним и проезжей частью улицы высажены деревья. На противоположной стороне симпатичное здание почты. По той и этой стороне магазины, в основном в первых этажах домов. По этой кинотеатр. Это был небольшой, скорее всего типовой, потому, что что-то похожее Рева видел. Афиша на

стене рядом с входной дверью, красочно сообщала, что демонстрируется фильм «Высота». Посмотрев друг на друга, как бы обменявшись немymi вопросами, поняли, что ни тот ни другой этот фильм не видели.

– Сегодня не увидим, - подчеркнул Виктор, - из-за дефицита времени. Рядом, сразу за кинотеатром, с традиционным названием - «Октябрь», был сквер. В его глубине стоял декорационный домик с большими буквами над дверьми – «ТИР».

– О! – Воскликнул, улыбаясь, Виктор, - есть повод и возможность, проверить чему учит армия.

Внутри тира всё было как обычно: сразу у входа был прилавок, на всю ширину тира, две сильные лампы освещали мишени, состоящих из различных резиновых игрушек, вырезанных силуэтов и круглых мишеней. Стены были заклеены досафовскими плакатами с пушками, танками, самолётами и даже с кораблями. На прилавке лежали три пневматические винтовки. Слева за прилавком сидел пожилой мужчина в военной фуражке, но в простой клетчатой рубашке. При их появлении он встал. Это был инвалид – без правой руки. После обоюдного приветствия спросил: - Сколько? Виктор подал деньги и сказал: - На все. Тот поставил на прилавок коробочку и выложил дeсть пульек. Рева взял винтовку, переломил её и вставил пульку в ствол, выправляя её, взглянул на Виктора:

– А ты что не берёшь винтовку?

– Я же был техником по вооружению. Стрелял в учебном полку и один раз после войны, так что, тебе все карты в руки.

– Я стрелял года полтора назад, из пистолета «Макарова», кое - как на тройку натянул.

– Ладно, ладно, стреляй, - поторопил Виктор.

Рева прицелился и выстрелил в круглую мишень: Какой-то груз на нитке полетел вниз, а над мишенью мельница закрутила лопастями. Рева поразил ещё четыре мишени и посмотрел на Виктора:

– Стрельни.

Тот отрицательно помотал головой.

– Попробую с вытянутой руки, - сказал Рева и стал целиться. Три выстрела были удачными. В это время в тир вошёл мальчишка лет двенадцати и девочка с двумя бантами на голове. Рева выстрелил и промазал. Помотал головой, прицелился и выстрелил удачно. Служитель тира, улыбнулся и сказал: - Молодцом стреляете, вот вам приз! И вынув из-под прилавка, игрушку серого пушистого зайчонка. Рева поблагодарил, пожимая плечами, повернулся и вручил игрушку девочке со словами: - Это тебе, как будущему снайперу. Та немного растерянно, пролепетала: - Спасибо.

Попрошавшись, они вышли из тира.

– Ну, что, сударь, я восхищён! Если бы я мог, отправил бы вас в Рио-де-Жанейро, где, по мнению Остапа Бендера, все люди счастливые и все в белых штанах.

– Там, что? Нужны стрелки.

– Нет. Просто, я понял, что вы разносторонний человек и можете, помогать людям - быть счастливыми.

– Что-то в этих логических связях я запутался.

– Ладно, молодец. А все запутанности, русские распутывают в ресторане, - сказал, с некоторой хитрецей Виктор и продолжил, - сейчас чуть пройдем до проспекта Комсомола, там есть приличный ресторан.

С виду ничего особенного у, приличного ресторана, не было. Невысокое здание с широким крыльцом, с козырьком над входом и вывеской - «Южный».

Зал был большой, окна были слегка прикрыты гардинами, и в зале было мрачновато, так как электрическое освещение не было включено. Посетителей, кроме них, не было. Виктор прошёл ближе к окнам и предложил сесть за третий столик от буфета. Подошла молодая симпатичная официантка с книжкой меню. Они до этого решили, что первое блюдо брать не будут. Виктор, просматривая меню, взглянул на Реву: - Фирменный салат «Южный» берём? - Виктор, всё на твой вкус, - ответил он.

Тот стал называть: салат «Южный», мясо «Бифстрогонов» с картофелем «Фри» и бутылку венгерского вермута. Какой у вас есть?

У нас есть «Мартини» и «Кин Зано», - ответила официантка, забирая из его рук меню.

– Принесите последний, а дальше посмотрим, - определил Виктор. Она быстро принесла рюмки, приборы и красивую бутылку вермута. Достала из кармана фартука штопор и стала его ввинчивать в пробку. Виктор предложил: - Давайте я открою. Она с улыбкой ответила: - Я привычная, - но отдала бутылку Виктору. Он докрутил штопор, быстро открыл бутылку и отдал штопор вместе с накрученной пробкой. Она ушла и тут же принесла два салата и тарелку с хлебом.

Рева смотрел на Виктора, угадывая не просто его действия, а его мимику, выражение и блеск глаз, определённые жесты, типа: взъерошивать волосы на голове и другие. Причём, это происходило не обязательно перед выпивкой, это происходило всегда, когда он являлся зачинщиком, какого либо мероприятия. Это выдавало в нём – азартного человека. Прюделав некоторые манипуляции, он наполнил рюмки белым вином и поднял вверх указательный палец:

– За встречу мы с тобой тост поднимали, за расставание – рано. Давай выпьем за удачу! Тебе скоро надо будет определяться, и пусть тебе удача поможет!

Рева поблагодарил, они чокнулись рюмками и, медленно выпили. Вино обоим понравилось, и они закусили салатом. Рева сравнил его с салатом «Оливье», только в нём были ещё помидоры. Когда Виктор стал наполнять рюмки, Рева спросил:

– Слушай, а тебе отец не говорил, почему Ленину не понравился Достоевский?

– Он пояснил, что тот написал роман о революционерах и назвал его «Бесы».

– Так назвал?

– Да.

– Что же он так его назвал? Ведь царский режим его сюда сослал. Я думал, он сам почти революционером был.

– Вот, так. Давай выпьем за здоровье близких и друзей! – и Виктор поднял рюмку. Выпили. Продолжали, есть салат. Официантка принесла второе блюдо. Виктор стал наполнять рюмки, приговаривая: – Они к такому вину, наверно по этикету, приносят такие рюмочки.

Действительно, после последнего наполнения рюмок, в бутылке оставалось вина, почти половина.

– Давай, перед горячим без тоста, просто для хорошего пищеварения, – улыбнулся Виктор, поднимая рюмку.

Выпили. Реве вся эта еда нравилась. Во-первых, он очень давно такого не ел, а ещё ловил себя на мысли, что после армии – всё вкусно.

Когда они вкусили, понемногу, второго, Виктор спросил:

– Вам солдатам читали выступление Хрущёва «О культе личности»?

– Нет. Его ведь коммунистом читали. Но потом замполиты рот и лейтенант, который курировал комсомол, выступали с докладами. Странно о репрессиях среди военных ни слова.

– Отец тоже, по-моему, об этом упоминал. Он считал, что все репрессии против Ленинских соратников и военных, это чистая борьба за власть. Он говорил: «При царях – убрали одного – политика сменилась. А при коллективном руководстве как? Один коллектив должен убрать другой коллектив. Вот, отсюда, и массовость репрессий». А на счёт раскулачивания и борьбы с врагами народа, он говорил, это – глупость. Первых надо было оставлять на своей земле, а вторых придумывали, что они вроде связаны с неугодными политиками. Ну, а военных, в первую очередь, из-за боязни переворота. Тем более, – отец говорил, – что у Сталина с Тухачевским конфликт был из-за поражения от Польши. Их

Ленин мирил, дескать, пусть потом историки разберутся. Сталин раньше разобрался.

– Странно. Как же мы победили в войне, если Сталин был такой? – высказал сомнение Рева.

– Знаешь, что? А генералы и маршалы, которые воевали, хвалят его. Ладно. В конце концов, разберутся кому надо. Давай выпьем за тех, кто не вернулся с войны.

– Давай, - Рева поднял рюмку, - у меня двоюродный брат погиб, а отец пропал без вести. Выпили.

Застолье подходило к концу. Виктор, очевидно, под действием, хотя и лёгкого вина, вдруг вспомнил опять об осечке с катером, о потере как раз полсуток, захотел сделать что-то приятное другу. Остатки вина он решил разделить хоть понемногу на два тоста. Налив в рюмки, он сказал:

– Рева, давай выпьем за наших матерей. Особенно за твою. Моя мать всё-таки, во время войны была с моим отцом, а твоя, одна содержала семью. Рева поблагодарил за такое признание, и они выпили. Заедая тост остатками салата, Рева, подумал и спросил:

– Скажи, в чём была причина, что тебя на четвёртом курсе не приняли в кандидаты партии? – он помнил, что был слушок, что упоминалась мать.

– Всё просто. Помнишь, у нас в общежитии, был конфликт с комендантшей? За Аркашкой Соловьёвым увязалась на улице собачонка пришла за ним в комнату, а тут комендантша и давай орать на него. Я заступился, сказав, что она действует по-хамски. Вот она на нас двоих написала жалобу в «Профком», а председатель был членом парткома техникума. На собрании заявил, что до рассмотрения этого дела, приём надо отложить. А потом, я этот вопрос не поднимал.

Напрямую спросить друга о его матери, Реве казалось не тактичным. Хорошо, если о матери и генерале Стесселе, была его шутка, а если сплетня?

Остатки вина Виктор предложил:

– Давай, Рева, выпьем за твою счастливую дорогу, за дальнейшее благополучие. Выпили, уже не закусывая. Вдруг, Виктор спросил:

– А не выпить ли нам кофе по-турецки?

Рева пожал плечами.

– Выпьем. Рева, а может водочки на посошок?

– Нет. Мне в дорогу не надо.

Он позвал официантку, заказал кофе и сто пятьдесят грамм водки. Она сказала, что надо чуть подождать.

Он кивнул головой. Потом взглянул на Реву и сказал:

– Мне не ехать, а как горняки говорят: «Сто пятьдесят и по домам».

Во время ожидания Виктор рассуждал:

– Если не будет складываться с работой, и не захочешь поехать в Ольжерас, можешь приехать сюда. Тут можно найти работу и постепенно обжиться. У меня уже есть кое-какие знакомства. А жить здесь дешевле.

Официантка принесла два кофе и водку. Кофе был горячий. Рева посмотрел на часы: был без пятнадцати шесть, и высказал опасение:

– Мы из-за кофе не опоздаем?

– Нет. Здесь до вокзала десять минут езды, а то и меньше.

Он поднял стопку, сморщил лицо: – За тебя! – и опрокинул её в рот. Морщась, понюхал кусочек хлеба. Подвинул к себе чашку кофе и сказал:

– Его пьют без сахара, как говорил Саня, чтобы вкус не нарушать.

Пригласил рассчитаться официантку и подал ей двадцать пять рублей. Они поблагодарили её, она подала ему три рубля сдачи и отошла. Минут десять пили кофе. С непривычки он казался Реве через-чур горьким, но он не подавал вида, чтоб не огорчить друга.

Уже на выходе из ресторана они увидели, как в зал вошла пара пожилых людей. Остановка автобуса была чуть в стороне, но автобус подошёл быстро. Пятнадцать минут седьмого они были уже у вокзала. Войдя в него, очутились в

мрачном помещении, по сравнению с улицей залитой солнцем. Справа на стене большое расписание поездов и чуть ближе к выходу на перрон касса и дверь в служебные помещения, из неё вышел мужчина в железнодорожной форме. Рева подошёл к кассе, и спросил: - Можно ли купить билет на поезд... Он не договорил – ему ответили: - За полчаса до прибытия поезда. В противоположной стороне от табло и кассы, был небольшой зал ожидания с рядами скамеек. Два высоких окна выходили на площадь и два на перрон. Через последние в зал проникали косые лучи солнца, придавая ему более весёлый вид. В зале было несколько человек: двое мужчин, средних лет, беседовали между собой, сидя на крайней скамейке; пожилая женщина с молодым человеком, стоявшим возле неё, и молодая женщина с девочкой, лет трёх.

Они сели на ближнюю скамью, напротив мужчин. Рева осмотрел зал и спросил:

– Тут, что? Нет буфета?

– Есть, вход с перрона.

Рева понимающе покивал головой, а потом посмотрел на стену, на которой ничего не было и только лучи солнца на треть освещали её, отбрасывая искажённые тенью рам. Заметив на ней большое прямоугольное, темноватое пятно, спросил:

– Там случайно не картина висела?

– Висела, - ответил Виктор, и пояснил, - там был Сталин в белом кителе на фоне степи.

– А знаю, картина называется «Утро Родины», - уточнил Рева, - но автора забыл. Тут он посмотрел на часы: - Пойду к кассе.

Едва он появился перед окном кассы, пожилая кассирша с красивой укладкой волос, спросила: - Вам куда? Он назвал свою станцию, и уточнил, что нужен плацкартный билет, подал деньги. Кассирша развернула деньги и сказала: - Ещё четырнадцать рублей. Рева почувствовал полную растерянность, машинально подал ей десять рублей и понял,

что у него кроме мелочи, никаких денег нет. Услышав, её: - Ещё четыре рубля. Он пролепетал: - Сейчас... И пошёл к Виктору. Тот, видя, что он с растерянным лицом идёт без билета, встал:

- Что?

- Виктор, у тебя деньги есть?

У того поднялись брови, выражая удивление и растерянность:

- Сколько надо?

- Четыре рубля,- произнёс Рева, ещё больше смущаясь.

Виктор машинально сунул руку в брюки и достал три рубля и тоже со смущением подал их. Рева двинулся к кассе, судорожно перебирая мелочь в кармане. Виктор шёл за ним. Рева подал три рубля и всю мелочь, которую не стал считать. Кассирша улыбнулась одной стороной губ и произнесла: - Ещё двадцать копеек. Рева глубоко вздохнул... А Виктор, придвинувшись к окну, сказал:

- Я вам завтра принесу. Та подала билет. Рева, держа его в руке, отошёл от кассы, а Виктор с возмущением и упрёками набросился на него:

- Почему ты не сказал, что у тебя туго с деньгами? Получается какое-то позорище! Я не понимаю тебя!

Рева смотрел на его раскрытые глаза, на топорщившиеся на голове волосы, и ему казалось, что они: просто встали дыбом – от возмущения. А Виктор говорил:

- Друг должен оставаться другом и в беде. В беде друг должен звать друга! Кто как не друг, может помочь! – его ещё подхлестывал стыд, что он оказался без денег.

Рева понимал, что последняя водка придают ему дополнительный пыл и потому он не может вставить ни каких слов оправдания. А он продолжал:

- Да если бы я знал, что у тебя эти затруднения, я бы тебя отправил в купейном вагоне!

В такой момент ты не посчитал меня своим другом! Как я могу считать тебя своим другом? – он отвернулся, сделал два шага, обернулся, смерил Реву взглядом, махнул рукой и

вышел в открытую дверь вокзала. Ошарашенный, таким напором, испытывая обиду за некоторую несправедливость, он поплёлся на перрон. «Если бы не эти сто пятьдесят, - рассуждал он, - я бы пояснил ему, что считал, что денег у меня хватает, но у меня засела в памяти стоимость билета от Новосибирска до Семипалатинска, а сейчас расстояние на двести километров больше». По радио передали, что его поезд прибывает на первый путь. Он посмотрел вдаль, но поезда не было видно.

В это момент ему пришла ещё одна мысль: «Если бы ко мне приехал друг издалека, я бы перед его отъездом, обязательно спросил, как у него с деньгами? Конечно, это я бы ему не сказал».

Шипя и посвистывая клубами пара, паровоз проехал мимо, замедляя ход поезда. Рева посмотрел на билет, увидел, что вагон номер пять, место одиннадцатое, и двинулся за поездом. Он чуть прошёл, и поезд остановился, а перед ним был как раз пятый вагон. Открылась дверь, спустилась пожилая проводница. Рева поздоровался и протянул билет. Она ответила: - Здравствуй, третье купе. Рева поднялся в вагон, дошёл до третьего купе, и с удивлением и радостью увидел старых знакомых и даже больше. У окна сидели: Надя Ахметова, с которой он учился несколько лет в одном классе, и Гриша Мартынюк, давно знакомый парень. Они поженились в тот год, когда его призвали в армию.

— Добрый день, путешественники! Примите в свою компанию?

— С удовольствием, - сказал, вставая Гриша, и протянул руку. Рева пожимая руку, повернул голову к Наде, которая, сказав:

— Здравствуй, здравствуй, - спросила:

— Как тут оказался?

— Всё расскажу. Но, главное, я прогорел как швед под Полтавой!

Только что, я потерял друга и задолжал двадцать копеек за билет. В общем – гол как сокол! Возьмёте на содержание «блудного сына»?

– Возьмём, - чуть не в раз сказали они, улыбаясь.

Так из мрачного предположения о поездке без копейки денег, у Рева получилась приятное путешествие с замечательными людьми. Хотя на душе скребло от неожиданного и нелепого разрыва с другом, дружба с которым казалась вечной.

Когда, до своего города, оставались считанные километры, Рева стоял в коридоре вместе с Гришей. Тот посмотрел на него и сказал:

– Ревмир, я вижу, ты до сих пор переживаешь, думая о своём друге.

Рева молча взглянул на него, слегка пожав плечами, и мотнул головой.

– Ты говорил он старше тебя. Приедешь домой, всё взвесь и напиши ему письмо. Объясни, как всё получилось.

– Наверно, - тихо произнёс Рева, продолжая смотреть на мелькающие за окном ели.

Помолчали. И тут Рева, положил руку на его плечо и сказал:

– Ты знаешь, что в восьмом классе мы с Надей дружили, чуть не год. Я знаю, какой она хороший человек и, по-моему, тебе повезло. Вот возьми эту штуку и подари ей, от себя, в подходящий момент. И Рева отдал медальон с портретом «Неизвестной».

8. 05. 2017 г.

Тимир Федоров

СТРАННАЯ РЫБАЛКА НА ИРТЫШЕ

Повесть

Т. Федоров член Союза литераторов Кузбасса.
Повесть «Странная рыбалка на Иртыше»
его 11 книга в прозе.

Технический редактор: *Трусова В. Г.*
Компьютерная верстка *Акрамова О. В.*
Корректор: *Быковская А. А.*
Художественные рисунки *Т. Федоров*

Сдано в набор 19.06.2017 г.
Подписано в печать 26.06.2017г.

Формат 60х90 1/16. Бумага «Снегурочка».
Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22.

Отпечатано в ООО «Полиграфист», 2017 г.
г. Березовский, Кемеровской обл., ул. Мира, 38.

Заказ 3752, т. 120 экз.

